6 437

Социалистическая Советская Республика Белоруссии.

République Socialiste des Sovjets de la Russie Blanche.

ТРУДЫ

Белорусского Государственного Университета в Минске.

1922 № 1.

LES ANNALES

de l'Université de Minsk.

Государственное Издательство Белоруссии.

Минск.—1922 г.

Содержание.

Стр.

От редакции.

М. Б. Кроль. Мышление и речь. 1

В. И. Ивановский. Логика истории, как онтология единичного. (*Окончание следует*). 14

С. И. Вольфсон. Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова. 28

Г. С. Гурвич. Право и нравственность с материалистической точки зрения. 49

И. М. Соловьев. Школа и задачи педагогики. 67

В. Н. Церцев. Социально-политическое мировоззрение Платона. (*Окончание следует*). 74

Н. М. Никольский. Феодализм в древнем Израиле. . . . 92

М. Г. Сыркин. Донателло и раннее Возрождение. . . . 116

А. Н. Вознесенский. Метод изучения литературы . . . 129

Н. В. Шаров. Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева. 130

В. И. Ничета. Волочная устава королевы Боны и Устава о волоках 147

А. А. Савич. Униатские школы для западно-русского юношества до брестской церковной унии (*Прод. следует*) . 164

Летопись Белорусского Университета.

Ф. Ф. Турук. Университетская летопись 175

Хроника Бел. Гос. университета. 208

Инв. 1954 г.

Президэнцкая бібліятэка Рэспублікі Беларусь 1453768

Президентская библиотека Республики Беларусь

2 006000 008938

Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова.*)

Маркс и Энгельс *создали* диалектический материализм, оставив своим последователям великую задачу *собирания* во-едино и *систематизирования* их гениального наследства.

Задача превращения марксова материализма в единую экономическо-монистическую социологию была выполнена духовными наследниками Маркса и Энгельса, среди них одним из первых Георгием Валентиновичем Плехановым.

Постараемся выявить роль Плеханова в деле популяризации идей диалектического материализма, углубления его отдельных проблем, превращения его в универсальный метод исследования общественных явлений—одним словом, в деле разработки той—по слову Меринга—„рудоносной жилы с огромным запасом неиспользованных сокровищ", которую представлял собою исторический материализм после Маркса и Энгельса.

Г. В. был „заражен" историческим материализмом уже задолго до того, как он стал марксистом. Еще в народническом периоде своего развития Плеханов, находясь под сильным влиянием Бакунина, заимствовал у последнего его уважение к историческому материализму. Об этом говорит сам Плеханов в предисловии к первому тому его сочинений, вышедшему в 1905 году в Женеве, об этом свидетельствуют некоторые статьи, относящиеся к народническому периоду жизни Г. В.

Так, уже в статье „Закон экономического развития общества и задача социализма в России", написанной в январе 1879 года, т. е. за четыре года до его разрыва с народничеством, Плеханов обнаруживает, в отличие от его товарищей по революционной работе, согласие с основными положениями исторического материализма. В этой статье Плеханов выступает против утопистов, считающих, что „метафизическая сущность—пропаганда способна изменять по произволу ход истории". Через год Плеханов говорит уже языком человека, твердо стоящего на почве исторического материализма. В статье „Черный Передел" (январь 1880 г.) Г. В. определенно заявлял: „Экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов".

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата. Исторический материализм обвиняли в механичности, внутренних противоречиях, фатализме, философской плоскости, квиэтизме, шаблонности, аморальности, метафизичности... Направленные против исторического материализма выступления дали повод Карлу Каутскому, Францу Мерингу, Полю Лафаргу выступить с блестящими апологиями исторического материализма, значительно обогатившими научную сокровищницу марксизма.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—4 годов по-

*) Глава из работы: „Г. В. Плеханов. Жизнь и творчество".

явился ряд статей, „развенчивающих" исторический материализм преимущественно аргументацией германских идеалистов. Н. К. Михайловский, проф. Кареев, Кудрин, Николай—он, Южаков и другие критики исторического материализма доказывали доктринерскую однобокость этой системы, ее догматическую односторонность, ее научную несостоятельность.

Ответом на все эти выступления—audiatur et altera pars—послужила вышедшая в 1895 году книга Плеханова, до сих пор являющаяся классическим руководством по истории и теории диалектического материализма. Ставшая вехой в развитии русской общественной мысли, книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" оказала на умы современников влияние совершенно исключительное. По свидетельству Лядова, молодежь сплошными рядами покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке.*) Бельтов стал властителем дум поколения, которое Шелгунов назвал „молодежью будущего". Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии", как ее назвал один из тех минутных сторонников исторического материализма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпагу свою", скатившись по пути „от марксизма к идеализму" в пропасть мистицизма и реакции.

Возникает вопрос, соответствовала ли ценность книги Плеханова той научной оценке, которую она встретила. К рассмотрению этого вопроса мы и перейдем.

Одним из наиболее ценных моментов в книге Плеханова мы считаем обоснование им правильного взгляда на сущность французского материализма XVIII века, в отношении которого до сих пор приходится сталкиваться с самыми запутанными представлениями. В девяностых же годах смешение диалектического материализма с французским, приписывание первому слабых сторон второго, отсутствие ясного представления о грани, отделяющей философские взгляды Маркса и Энгельса от учения Гольбаха и Гельвеция было делом обычным. Плеханов четко и определенно провел эту грань, установил действительное отношение, существующее между диалектическим материализмом и французским XVIII века, вскрыл противоречия и слабости последнего. Он показал, что материализм Маркса и Энгельса насквозь диалектичен в то время, как воззрения Гельвеция и Гольбаха пропитаны метафизикой, роднясь таким образом с метафизическим идеализмом, вместе с которым они признают неизменность субстанции. Установив те моменты, в которых диалектический материализм примыкает к французскому, являясь его продолжателем, Г. В. вместе с тем вскрыл роковые противоречия, в заколдованном кругу которых блуждала философская мысль Гельвеция, Гольбаха и их единомышленников, он обнаружил непоследовательность и логическую незаконность их системы, признававшей познаваемость свойств вещей и об'являвшей непознаваемой сущность материи. А Деборин вполне прав, говоря, что Плеханов „первый представил французский материализм в его истинном свете".**)

Перейдем к следующим заслугам выступления Плеханова.

В семидесятых годах Н. К. Михайловский видел в историческом материализме „превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их суще-

*) См. М. Лядов. История РСДРП. ч. 1.

**) А. Деборин Введение в философию диалектического материализма (Стр. 223 Птг. 1916.

ствования.*) Впоследствии, изменив свое отношение к философскому учению Маркса, Михайловский выступил одним из наиболее страстных противников исторического материализма, обесценивая в глазах читающей публики его научную ценность. Михайловский доказывал, что, „экономический материализм с есть всеобъемлющая философская система, а только обломок ее, что самые основные теории экономического материализма... остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными".**)

Плеханов своим выступлением „по печатному водя" доказал необоснованность утверждения о несвязанности и непроверенности системы Маркса. „Положения исторического материализма не связаны между собой?", вопрошал Плеханов,—„стоит только прочесть предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie", чтобы видеть до какой степени стройно и тесно связаны они между собой". Стоило, в самом деле, непосвященному читателю обратиться к тому знаменитому введению, на которое ссылался Плеханов, чтобы сразу установить наличность в нем тех самых обобщающих и неразрывно связанных между собой идей, которых тщетно искал у Маркса Михайловский.

Плеханов обнаружил ту жестокую ошибку, в которую впадают субъективисты, пытаясь разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией, признавая первые и отрицая вторую. „Этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов". Считая экономические взгляды Маркса неотъемлемым спутником исторического материализма, Плеханов неоднократно доказывал то положение, которое Маркс формулировал словами: „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства" („Нищета философии"). Плеханов опровергал и обвинение в непроверенности принципов исторического материализма. „Они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге „18-ое Брюмера", и в „Капитале"...—решительно во всех главах от первой до последней".

Научная ценность и общественный смысл выступления Плеханова должны были выразиться в том, чтобы выбить противников исторического материализма из тех идеалистических и субъективистских позиций, на которых они закрепились.

Со свойственным ему полемическим задором Плеханов дал в своей книге образ титулярной советницы, которая думает, что весь смысл теории Дарвина сводится к тому возмутительному положению, что вот дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более, как наряженную в чепчик обезьяну. Плеханов ставил своей целью доказать, что „Маркс так же мало клевещет на „интеллигентов" как Дарвин—на титулярных советниц".

Следует признать, что при всей карикатурности приведенного образа он в общем отражал отношение к историческому материализму некоторой части буржуазной и народнической публицистики. Последняя давала лишнее доказательство словам Мерринга о том, что современное буржуазное общество стоит в том же отношении к материализму, в каком оно раньше находилось к дарвинизму, рассматривавшемуся как „обезьянья теория". Отождествление материализма со цикурничеством было в девяностых годах ходячим упреком по адресу материалистов иногда не только в обывательской среде...

Указывая, что материалисты сообразуют свои идеалы с экономи-

---

*) Отечественные Записки. 1877.

**) Русское Богатство. 1894.

ческой действительностью, Плеханов разоблачает суб'ективистов, в силу своей склонности к метафизике, не понимающих двойственного, антогонистического характера всякой действительности. Материалисты опираются не на отживающую действительность, а на ту, которая приходит ей на смену—„действительность будущего, служить которому значит содействовать торжеству великого дела любви". Нельзя говорить о том, что материалисты не придают никакого значения идеалам. Если говорить в смысле „идеалов", заявлял Плеханов, теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда—либо существовала в истории человеческой мысли.

Противники исторического материализма считали (да и теперь, пожалуй, считают) ахиллесовой пятой этого учения его „однобокость", „односторонность" —то, что оно является всеобъемлющей и потому „хромающей" теорией, утрирующей одни и затушевывающей другие элементы общественного развития. Корректируя эту мнимую односторонность исторического материализма, его противники занимали „нейтральное положение" между материализмом и идеализмом, доказывая, что „.... и психологическое, и экономическое направления истории одинаково верны, поскольку они... дополняют друг друга".*)

Плеханов взял на себя задачу доказать, что всякая попытка синтеза идеалистической и материалистической точек зрения приведет не к открытию „полной истины", которую искала суб'ективная социологическая школа, а к „нищенской похлебке эклетизма". Он установил в своей работе, что дуалистические системы, для которых дух и материя являются взаимно дополняющими субстанциями, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного об'яснения исторического процесса. Поэтому он звал к об'яснению явлении помощью одного основного принципа—к монизму.

Для суб'ективно-социологической школы об'яснение общественного процесса духовным началом было тезисом, рассмотренье его с экономической точки зрения —антитезисом и потому она звала к третьему моменту, в котором „односторонности тезиса и антитезы найдут свое примирение". „Соблюдая нейтралитет" между душой и телом, суб'ективисты отыскивали синтез в примирении идеализма с материализмом.

Плеханов обнаружил, что „синтез" суб'ективистов ведет к дуализму чистейшей воды. „У него", говорит Плеханов о Кареве, „тут—экономия; там—психология; в одном кармане—душа; в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности"**) Дуализму социологической школы Плеханов противопоставил монизм марксизма. Он указывал, что у Маркса психология и экономия являются двумя сторонами одного явления—борьбы за существование, в процессе которой происходит определенная общественная группировка, обусловливаемая состоянием производительных сил. Плеханов исчерпывающе раз'ясняет, как следует понимать primum agens исторического материализма—экономику. Вот что он говорит по этому поводу:

— Борьба за существование создает их (людей...С.В.) экономию, на ее же почве вырастает и их психология... Экономия сама есть нечто производное, как и психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно

---

*) Н. Кареев. Критика экономического материализма.

**) К вопросу о развитии монист. взгляда. Изд. IV. стр. 149.

как и психологию, новый „дух времени"... Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция" производительных сил.*)

Развитие общественного процесса Плеханов мыслит таким образом. На кривой линии исторического развития существуют точки великих переворотов; эти точки А, В, С, Д и т. д. Когда экономическое развитие достигает точки А, торжествует один класс; когда оно доходит до точки В, класс прежде господствовавший, вынужден уступить свое место новому классу и т. д.—до тех пор пока общественное развитие не достигнет конечной точки С, на которой исчезнет самое деление общества на классы. Движение человечества от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., вплоть до точки S никогда не совершается в плоскости одной экономики. Чтоб перейти от точки А до точки В и т. д. нужно каждый раз подняться в „надстройку" и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. Путь от одной точки поворота к другой лежит чрез „надстройку".**)

Плеханов неоднократно подчеркивает, что экономические отношения не являются застывшим метафизическим понятием. „Они вечно изменяются под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество". Выясняя закономерность общественного процесса, Плеханов впоследствии (в „Основных вопросах марксизма") развернул формулу, выясняющую взаимодействие между производительными силами и общественной экономией, вместе с тем взаимодействие между экономической „основой" и идеологической „надстройкой". Опровергая обвинение исторического материализма в фетишизировании им экономического фактора и игнорировании всех остальных факторов общественного развития, Плеханов развертывает следующую пятичленную формулу отношения „основания" к „надстройке".

1. Состояние производительных сил.
2. Обусловленные ими экономические отношения.
3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.
4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.
5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.***)

Плеханов вполне прав, говоря, что приведенная формула и достаточно широка, чтобы вместить в себе все формы общественного развития, и в то же время насквозь пропитана материалистическим монизмом.

Туманному, почти метафизическому понятию взаимодействия „души" и „тела", Плеханов противоставил ясную и определенную формулу, находившуюся в строгом соответствии со взглядами Маркса, всегда признававшего в общественном процессе действие „духа", как силы в конечном счете направляемой экономикой. Обоснование и популяризация этой формулы явились делом сугубой важности; надо помнить, что в то время „узость" и „односторонность" диалектического материализма были излюбленной мишенью для его критиков. Своим выступлением

---

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 149.

**) См. открытое письмо к В. А. Гольцеву. „За двадцать лет" Изд. 3-ье СПБ. 1908. стр. 440.

***) Основные вопросы марксизма. С.П.Б. 1917 г. стр. 96.

Плеханов обесценил все те „примирительные"—эклектические теории, которые признавали самостоятельность многочисленных элементов общественного развития, мыслимых находящимися во взаимодействии.

До конца последовательный монист, Плеханов во всякой научной системе прежде всего ценил ее логическую последовательность, ее монистическую выдержанность. Яснее всего это сказалось на его отношении к гегелевой философии, которую Плеханов ценил исключительно высоко главным образом потому, что она учит нас последовательному мышлению; он считал, что „кто с любовью и вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклектического винегрета". *)

Если „односторонность" была одним из ходячих упреков, направлявшихся против диалектического материализма, то другим из них был „фатализм". По какой-то злой иронии самому действенному из философских учений ставилось в вину, что оно влечет за собой гражданский индифферентизм и квиетизм. Плеханов блестяще выяснил, как противники диалектического материализма приписывают ему свойства материализма метафизического, которому, действительно, присущ фаталистический характер. Материализм диалектический—не философия фатализма и пассивности, а философия действия и активности. Плеханов установил всю несостоятельность обвинения диалектического материализма в том, что он признает слепое подчинение необходимости. Диалектический материализм дает в руки угнетенных классов рычаг в борьбе с экономической действительностью. Никакое изменение в общественных отношениях немыслимо без участия масс. Необходимость участия масс в историческом процессе обусловливает влияние на них более развитых и более нравственных личностей. „Таким образом открывается широкий простор для плодотворной деятельности отдельных личностей, и если между этими личностями нашлись бы такие, которые превратились бы в Обломовых под влиянием экономического материализма, то в этом надо было бы винить не экономический материализм, а именно эти личности". **)

„Уничтожающее презрение и холодная жестокость", с которой, по мнению Михайловского, материализм относится к личности, были опровергнуты Плехановым. Диалектический материализм отнюдь не требует слепого подчинения железному экономическому закону. Он старается познать этот закон и, познав его, сделать необходимость послушной рабой разума.

„Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока невежественен, возражает материалист—диалектик, но я—бог, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus". ***)

Человеческий разум не творит истории; он сам является её продуктом. По раз явившись, как следствие исторического процесса, он старается преобразовать жизнь т. е. направить течение истории по тому руслу, которое считает более желательным.

Развитие разума общественного человека можно об'яснить, с точки зрения исторического материализма, лишь посредством законосообразной деятельности людей в общественно-производительном процессе т. е. действия. К действию же сводится вся практическая философия диалектического материализма. „Диалектический материализм есть философия действия", провозгласил Плеханов своей книгой. Призывая

---

*) К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. Критика наших критиков. СПБ 1906. Стр 209.

** Из открытого письма к В. А. Гольцеву. За двадцать лет. изд. 3-е СПБ. 1908. Стр. 438

***, К вопросу о развитии над. IV. Стр. 201.

сторонников диалектического материализма к действию, заявляя, что „не следует оставлять светильника в тесном кабинете интеллигенции", Плеханов говорил:

— Пока существуют „герои", воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа" станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе" разовьется соответствующее этому самосознание. *)

„Надо разбудить в толпе героическое самосознание", провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества и хмурых чеховских человечков. Она выявила в новом, революционном свете все основные моменты диалектического материализма, показала, что последний, говоря словами Франца Меринга, не пассивная игрушка мертвого механизма, а живая действенная сила, призванная преобразовать мир.

Предрассудки о „механичности" и „квиетизме" исторического материализма были опровергнуты Плехановым с такой же последовательностью и неуязвимостью, как, раньше мнения о его „узости" и „односторонности".

Эта крупная заслуга Плеханова станет еще более рельефней, если сравнить его выступление с другим, почти одновременным, в защиту исторического материализма—П. Б. Струве. **) В книге Плеханова выступили во весь свой рост те моменты активности и действенности диалектического материализма, которые были затушеваны в „Критических записках" Струве. Если в струвеских „Записках" можно было заметить зародыши будущего ревизионизма их автора, то в плехановском „К вопросу о развитии" чувствовалось величие духовного наследства Маркса—Энгельса.

Вполне понятно, что выступление Плеханова, действовавшего согласно своему любимому полемическому правилу—„От обороны к нападению", вызвало целую кампанию со стороны противников диалектического материализма, пытавшихся обесценить научную и общественную ценность этого выступления.

Следует признать, что во всех выступлениях оппонентов Плеханова, последовавших в течение 1895 года и продолжавшихся много лет подряд, не было ни одного довода против диалектического материализма, который не приводился бы ими раньше или не был заимствован у западно-европейских критиков марксизма. Выступая против „догматического увлечения" Плеханова диалектическим материализмом, его противники подымались на „высоты об'ективной истины", с которых и старались изобличить Плеханова в той или иной ошибке, неправильной цитате, логическом промахе, противоречии Марксу. Однако, ни одно из этих выступлений, а их было множество, не в состоянии было опровергнуть того генезиса диалектического материализма, который дал Плеханов, поколебать той аргументации, которая была им развернута.

Один из главных оппонентов Плеханова Н. Н. Кареев признал относительно выступления другого из них—Н. К. Михайловского, что оно „дает очень много материала для критики книги г. Бельтова, его научных и полемических приемов, но очень мало касается самых основ экономического материализма". **) Эти слова можно было применить ко

---

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 203.

**) Петр Струве. Критические заметки. 1894.

всем почти выступлениям, последовавшим в ответ на книгу Плеханова, в том числе и к выступлениям профессора Кареева. Они все „очень мало" касались тех основ марксова материализма, которые защищал Плеханов, и еще меньше эти основы поколебали. Кареев был вполне прав, заявив в той же статье, что он не думает, „чтобы вся эта критика экономического материализма могла в скором времени положить конец догматическому увлечению этой идеологической концепцией"...

Подытоживая значение выступления Плеханова, мы отмечаем следующие моменты, в которых выявилась ценность „К вопросу о развитии монистического взгляда":

1. Генезис идей диалектического материализма.

2. Отмежевание диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизического материализма; вскрытие слабых сторон последнего.

3. Обоснование того положения, что диалектический материализм — не обломок левого гегельянства, а цельная научная теория.

4. Опровержение „односторонности" диалектического материализма.

5. Подход к диалектическому материализму, как—философии действия.

6. Формула практического применения принципов диалектического материализма к русской действительности. *)

7. Демонстрация диалектического материализма, как универсального метода исследования общественных явлений.

Борьба с Михайловским, Кареевым и всей субъективно-социологической школой была для Плеханова борьбой с людьми „с другого берега"—мыслителями идеалистического, в корне враждебного марксизму мировоззрения. Иной характер носила его борьба с теми „услужливыми друзьями" марксизма, которые, на словах „дополняя", „очищая" и „поверяя" диалектический материализм, его в действительности укорачивали, засоряли и искажали.

В этом отношении Плеханову раньше всего пришлось столкнуться с Эдуардом Бернштейном, „ревизовавшим" не только практику марксизма, но и его философию.

Монизм, который является для Плеханова основным коэффициентом материалистического мировоззрения, Бернштейном оспаривался. Он выступал против самого термина „монистический". „Почему не прямо „простоватый" (simplistisch)"?, недоуменно спрашивал Бернштейн. Однако, расхождение было не только в терминологии, вернее оно было вовсе не в ней—корни были гораздо глубже и касались самых основ материалистического мировоззрения. Чистый или абсолютный материализм,—утверждал Бернштейн, точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны. Для Бернштейна неприемлем тот „детерминизм" исторического материализма, при котором „материалист—тот же кальвинист, только без бога." Бернштейн берет под свою высокую руку эклетизм, ибо „эклектический дух" есть возмущение здравого смысла против свойственного всякой доктрине стремления подогнать мысль под один шаблон. „Расширяя" теорию исторического материализма и восставая против „приписываемого ей" монизма, Бернштейн провозглашал, что „социал-демократии нужен новый Кант, который доказал бы, что презрение к идеалу, признание

*) Этого вопроса мы в настоящей главе не касаемся, ибо рассматриваем его в главе о Плеханове—экономисте.

материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует."*)

Плеханов был первым из марксистов, давших оценку выступлениям Бернштейна, как эклектическому соединению научного социализма с учением буржуазных идеологов. Г. В. опроверг ту мнимую идентичность бытия и мышления в материализме которая позволяла Бернштейну отождествлять материализм с идеализмом, и утверждал, что признание этой идентичности возможно только в идеализме. Он установил, что Бернштейн и другие критики марксизма, его „углубляющие" и „дополняющие" в сущности бьют Марксу челом его же добром и в своей невероятной наивности даже и не подозревают, что „Маркс", которого они „критикуют" не имеет ничего общего кроме имени с настоящим Марксом, будучи создан их собственным и поистине разносторонним непониманием предмета."*)

Искажение, о котором говорил Плеханов заключалось преимущественно в приписывании марксизму „автоматического" понимания исторического действия экономики, которым марксизм никогда не грешил и против которого неоднократно высказывались сами основоположники диалектического материализма. От лиц „автоматически", понимавших его учение, как известно, Маркс открещивался, говоря „Je ne suis pas marxiste"...

„Критикуя критиков Маркса," Г. В. доказал всю нелепость обвинения марксизма в автоматическом понимании исторического процесса. Он установил, что обвинение в автоматичности есть попытка обесценить марксизм со стороны тех, которые мечтают о замене „конечной цели" социальной реформой. Каждое выступление Плеханова было лучшим доказательством того, что марксизм отнюдь не „автоматически" воспринимает процесс общественного развития.

Плеханов дерзнул выступить против Бернштейна уже в 1898 году—во время Штутгартского партейтага т. е, когда Бернштейн был одним из наиболее авторитетных идеологов германской социал-демократии. В статье „Wofur sollen wir ihm dankbar sein", напечатанной в „Sachsische Arbeiter Zeitung", Плеханов уже тогда заклеймил затеянную Бернштейном „ревизию" как отступничество от марксизма и поставил вопрос ребром: или марксизм похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит марксизм. Такая постановка вопроса была признана недопустимой даже радикально настроенными представителями германской социал-демократии.

В течение своей трехлетней полемики с Бернштейном Плеханов не уставал подчеркивать, что критический пересмотр марксизма Бернштейном это не философское заблуждение, а выражение определенных социально-политических тенденций—сближения с передовыми слоями буржуазии, перехода в ряды мелко-буржуазных сторонников социальной реформы.

Прогноз Плеханова блестяще оправдался последующими выступлениями Бернштейна и уже в конце 1901 г. Г. В. имел возможность на-

---

*) Эд. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод Л. Кавцель. Изд. II СПБ 1901. Стр. 330

**) Плеханов. Основные вопросы марксизма. Над. 1917 г. Стр. 76

чать свою статью „Духовное завещание г. Бернштейна“ словами: „Г. Бернштейн умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал“ *).

В своей борьбе с бернштейнианой—со всеми теми, кто „пересматривал“ и искажал Маркса, Плеханов был безпощаден. Критикуя критиков марксовой философии, он не знал никаких расплывчатых формул, полуслов и неясностей, ибо сознавал, что тут спор идет о головах“.

С той же беспощадностью отнесся Г. В, не только к тем марксистам, которые звали „назад к Канту“, но также и к тем, которые выступили с попытками „нового обоснования“ марксизма, противоставляя диалектическому материализму критический реализм, окрашенный в эмпириокритические, эмпириосимволические, эмпириомонистические и всякие иные тона. Все эти выступления, которые велись в значительной части своей под флагом „очищения марксовой философии от засорения ее плехановской школой“, в действительности являлись ничем иным, как антиматериалистической философской ревизией марксизма. Борьбе с этой ревизией, как мы уже сказали, Плеханов отдался с той же последовательностью, как раньше борьбе с бернштейнианством, ибо считал, что и то и другое „бьет марксизм по лицу“. „Идейная неясность“ писал Плеханов в 1907 г. „особенно вредна у нас в настоящее время, когда, под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты... об'являют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца“.**) Этим и об'ясняется та страстность, которая проявилась в полемике Плеханова с эмпириокритиками.

Центральной мишенью критики Богданова, Базарова, Юшкевича, Валентинова и других марксистов, поднявших по чьему-то язвительному замечанию „бунт на коленях“ против марксизма, была плехановская „вещь в себе“. Определяя опыт, как „наши собственные ощущения и образы предметов, вырастающие на их основе“ (Примечания к „Людвигу Фейербаху“ Этельса), Плеханов устанавливал, что материей называется то, что „действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения“. То, что вызывает в нас ощущения, Плеханов определяет кантовским термином „вещи в себе“, совокупность „вещей в себе“ и есть материя. Критики Плеханова считали, что „вещью в себе“ он воскрешает кантианство и рвет с марксизмом, для основоположников, которого не было, дескать, никаких „вещей в себе“ т. е. вещей вне наших ощущений и представлений.

Материалисты, по словам Плеханова, никогда не утверждали, что они знают каковы вещи сами по себе—независимо от их действия на нас, а только считают, что вещи известны нам именно потому, что они действуют на наши органы чувств и именно в той мере, в какой они на них действуют“.***) Что же касается кантианства, отрицающего применение категории причинности к „вещам в себе“, то оно непосредственно приводит к суб'ективному идеализму, ибо „если вещь сама по себе не действует на нас, то мы ничего не знаем об ее существовании и самое представление о ней должно быть об'явлено

---

*) Точно также жизнь оправдала одновременный прогноз П-ва в отношении другого из критиков марксовой теории—П. Б. Струве. В 1901 г. Г. В. предсказывал Струве, что „неомарксизм“ доведет его до роли теоретика мелкой буржуазии и идеолога либерализма. Как известно, Струве докатился до ступеней, еще гораздо более далеких. Подробнее об этом—в главе о Плеханове—экономисте.

**) Примечания к „Людвигу Фейербаху“ Энгельса. Стр. 109.

***) Ibidem

ненужным т. е. лишним в нашей философии".*) Естественный результат такого подхода к вещам—солипсизм—признание других людей существующими лишь в нашем воображении.

Так как Плеханов указывал, что материя как отправной пункт опыта не может быть философски исчерпывающе определена, то его оппоненты выдавали на этом основании материи testemonium panpertatis, утверждая, что „понятие настолько неопределенное и неопределимое не может быть основою какого-бы то ни было философского мировоззрения."**) Г. В. установил, что понятию „материя" или понятию „дух" нельзя дать никакого исчерпывающего философского определения—нужно лишь взять какое-либо из этих понятий первичным фактом.***) Обвинять материалистов в том, что, говоря о вещах в себе—вещах вне нашего сознания, они впадают в метафизику, значит изобличать самого себя в отрицании соответствующей нашим ощущениям об'ективной реальности. Отрицать же последнюю значит признавать первичность духовного по отношению к физическому,—сознания по отношению к бытию т. е. превращаться в идеалистов. Плеханов таким образом поставил с головы на ноги тот гносеологический вопрос, который выдвинули как главное оружие против него эмпириокритики и которому они придали постановку, обозначавшую поворот от материализма к идеализму.

Плеханов установил, что для идеалиста без суб'екта нет об'екта. В противоположность ему для материалиста об'ект существует вне зависимости от суб'екта. Определяя опыт как результат взаимодействия между суб'ектом и об'ектом, Г. В. утверждал, что об'ект не перестает существовать и тогда, когда суб'екта еще нет и когда уже прекратилось его существование. Те, которые утверждают, что без суб'екта нет об'екта просто-на-просто смешивают одно с другим два совершенно различных понятия: существование об'екта „в себе" и его существование в представлении суб'екта.****)

Мы уже говорили о тех нападках, которым подвергся Плеханов со стороны эмпириокритиков и других махистов, заявлявших, что он предпринял „злосчастную попытку помирить Энгельса с Кантом при помощи компромиссной, чуть-чуть познаваемой вещи в себе".*****) В. И. Ленин, проведя грань между кантовской непознаваемой вещью в себе и познаваемой вещью в себе Плеханова, доказал ценность обвинения Плеханова в кантианстве. Философия Канта, по своему существу,—компромисс между материализмом и идеализмом, ее поэтому критикуют и материалисты и идеалисты—понятно с полярно - противоположных точек зрения. В лице Плеханова эмпириокритики столкнулись с представителем материалистов, „отвергающих в системе Канта самомалейшие элементы агностицизма и идеализма, доказывающих, что вещь в себе об'ективно реальна, вполне познаваема, посюсторонняя, ничем принципиально не отличается от явления"...******) „Караул", закричали они—это незаконное смешение материализма с кантианством. Ленин выясняет всю ту разницу, которая имеется между критикой Канта Плехановым и той

---

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху". Стр. 109.

**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С.П Б. 1908. Стр. 10.

***) О том же очень ясно высказалась в свое время Л. И. Аксельрод [Ортодокс]. „Раз материя первоначальный факт", говорила она, „то естественно ее нельзя определить другой причиной, лежащей вне ее самой". См. ее статью „Двойственная истина в современной немецкой философии". [Философские очерки. С. П Б. 1906].

****) От обороны к нападению. Ответ г. А. Богданову. Письмо второе. Стр. 39.

*****) Очерки по философии марксизма 1908. Стр. 67.

******) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Над. II М. 1920. Стр. 199.

же критикой со стороны эмпириомонистов. „Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева".*)

В своем споре с кантианцами Плеханов доказывал, что кантовская вещь в себе обладает признаками материальности, но в то же время недоступна нашему чувству. Плеханов вскрыл таившееся в такой постановке вопроса роковое противоречие: признавая материальность вещей в себе, мы считаем, что они являются источником наших ощущений; в то же время, признавая их недоступными нашим чувствам, мы должны притти к заключению об их нематериальности... Кантовской *непознаваемой* вещи в себе Плеханов противоставил вещь в себе—*познаваемую*:

— Никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит нет и быть не может. Поэтому, если я признаю, что материя нам известна только через посредство ощущений, ею в нас вызываемых, то это вовсе не значит, что я об'являю материю чем-то „неизвестным" и непознаваемым. Напротив, это значит, что она, во-первых, познаваема, а во вторых, познана человечеством в той самой мере, в какой ему удалось ознакомиться с ее свойствами, благодаря впечатлениям, полученным им от нее в длинном процессе своего зоологического и исторического существования.**)

Мнение Канта о непознаваемости вещей в себе Плеханов разбивал логикой самого кантова учения.

Исходя из определения Кантом явления как состояния нашего сознания, вызываемого действием на нас вещей самих по себе, Г. В. указывал, что предусмотреть данное явление, значит предусмотреть то действие, которое окажет на наше сознание вещь сама по себе. Наука доказывает, что некоторые явления мы можем предусматривать—это значит, что мы в состоянии предусматривать действия, которые будут произведены на нас вещами самими по себе. „Если же мы предусматриваем *некоторые действия* на нас вещей самих по себе, то это значит, что нам известны некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей самих по себе, то мы не имеем права называть эти вещи *непознаваемыми*".

Плеханов не только никогда не пытался об'единить марксизм с кантианством, но всегда являлся одним из наиболее последовательных противников такого противоестественного об'единения. Подчеркивая дуалистический характер кантианства, разрывающего связь между бытием и мышлением, Г. В. со времени своей полемики с Конрадом Шмидтом неустанно доказывал, что „в борьбе с материализмом главной твердыней являются всевозможные разновидности кантианства", что „незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным".

После вещи в себе другим основным моментом в критике, которой подвергался Плеханов со стороны махистов, было понятие об'ективной истины „в бельтовском смысле".

Изображая процесс изменения общественных отношений и соответственного видоизменения научных теорий, Г. В. говорил: „В результате этих изменений является, наконец, всесторонее рассмотрение действительности, следовательно, и об'ективная истина... ...И это знание

*) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 199

**) От обороны к нападению. Стр. 41 (Ответ т. А. Богданову. Письмо второе).

есть уже об'ективная истина, и никакой „рок" не сдвинет уже нас с этой открытой, наконец, правильной точки зрения".*) Эмпириомонисты усматривали в словах Плеханова противоречие постоянному развитию науки с ее никогда не останавливающимися завоеваниями. „И это говорится когда же?", спрашивал А. А. Богданов по поводу слов Плеханова. „В эпоху великой и поистине беспримерной революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая место поражающе новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы".**) Этот вопрос был вполне естественным в устах автора „Эмпириомонизма", постулировавшего, что „Марксизм заключает в себе отрицание безусловной об'ективности какой-бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин". Не подлежит сомнению, что в этих словах, равно как и в приведенном выше вопросе Богданова сказалось недопустимое смешение понятий об'ективности какой-либо истины и ее неизменности—вечности. Это чреватое последствиями смешение было рельефно выявлено Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме", где он резко разграничил два вопроса: 1) существует ли об'ективная истина т.-е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от суб'екта? 2) Если да, то могут ли представления, выражающие об'ективную истину, выражать ее сразу, абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Эмпириомонисты категорически отрицают существование об'ективной истины. Истина ими рассматривается как определенная идеологическая форма, как „организующая форма человеческого опыта".***) Отрицая существование „критерия об'ективной истины в бельтовском смысле", эмпириомонисты признают невозможным существование об'ективной истины вообще. Плеханов установил, что отыскивая основу об'ективности в сфере коллективного опыта и определяя физический мир как социально-организованный опыт, эмпириомонисты превращаются в чистокровных идеалистов.

Что касается „статики" и „догматики", которые по мнению эмпирокритиков проявились в „бельтовской" об'ективной истине, то следует признать, что эти грехи не в малой степени тяготели над Плехановым. Если Г. В. утверждал, что „никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменяемости видов, ни гениальных открытий Маркса", то он отлично понимал, что эти слова дадут возможность бросать ему обвинения и в „статике" и в „догматике":

—Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? Конечно нет, господа! Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и потверждали открытие Коперника.****)

Эти слова Плеханова находились в полном соответствии с рассуждениями Энгельса касательно абсолютной и относительной истины, представляющими, как известно, абсолютную истину, как сумму истин относительных.

Анализируя теорию об'ективности, данную эмпириомонистами и обнаруживая всю ее несостоятельность, Плеханов с особенным внима-

---

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 117.
**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. В. 1908 г. Стр. 24
***) А. Богданов. Эмпириомонизм. Кн. III Стр. IX.
****) К вопросу о развитии... Стр. 176.

нием остановился на отрицании махистами об'ективной реальности пространства и времени. Он установил, что рассматривая пространство и время как формы человеческого созерцания или, говоря языком Богданова как „формы социального согласования опыта различных людей", эмпириомонисты повторяли известную раскрытую Энгельсом ошибку Дюринга, для которого пространство и время существовали лишь потому, что их мыслят живые существа. Подчеркивая, что эмпириомонисты отказываются признать бытие времени, независимого от чьего бы то ни было мышления, Г. В., обращаясь к Богданову, говорил: „Бытие вне времени представляет собою такой же великий абсурд, как и бытие вне пространства. Вы наклеили оба эти абсурда на философию Маха".*) Плеханову пришлось выполнить по отношению к махистам ту же миссию, которую Энгельс выполнил по отношению к Дюрингу, когда об'яснял ему: „Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства". („Анти—Дюринг".)

Следует признать, что эту миссию Плеханов выполнил с исчерпывающей полнотой и последовательностью, выявив все слабые места теории эмпириокритиков и эмпириомонистов в этом отношении.

Одной из твердынь русского эмпириомонизма является, как известно, богдановская теория „подстановки". Считая, что „старая (Марксова С. В.) формулировка исторического монизма, не переставая быть верною в своей основе, уже не вполне нас удовлетворяет"**), Богданов пытался исправить ее своей теорией „подстановки".

Теория „подстановки" исходит из основной предпосылки эмпириомонизма—раздвоения опыта на „психический" и „физический"—зависящий от индивидуума и зависящий от коллектива. Основываясь на этой предпосылке, эмпириомонисты ставят себе задачу построения опыта вне обоих указанных зависимостей. „Подставляя" под чужие „высказывания" свой индивидуальный опыт, эмпириомонисты рисуют мировой процесс, как мир „элементов", образующих безконечную цепь комплексов самых различных ступеней организованности. „Все эти комплексы действуют друг на друга, взаимно разрушая друг друга „в борьбе", взаимно связываясь в процессе образования больших и выше организованных систем, взаимно отражаясь одно в других. „Явления психические"—это отражения самых различных комплексов в таком из них, который обозначается как „человеческий индивидуум"; „явления физические"—в таком, который называется „коллективный суб'ект".***)

Плеханов установил, что „теория подстановки", являющаяся одним из китов эмпириомонизма, представляет собою определенно выраженный махистский идеализм, при котором физическое „подставляется" под психическое. Он указал, что „функциональная зависимость" эмпириомонистов ничем не отличается от „предустановленной гармонии", от которой они так усердно открещивались, что теорией „подстановки" разрывается естественная связь явлений.

Подвергнув беспощадной критике учение эмпириокритиков и эмпириомонистов, обнаружив, что оно является плотью от плоти махистской философии, Плеханов обратил острие своей критики против самого Маха.

Об'явив весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений, Мах полагал, что он тем самым разрешил антиномию суб'.

---

*) От обороны к нападению. Стр. 84. Ответ г. А Богданову. Письмо третье.

**) А. Богданов. Развитие жизни в природе и обществе. Стр. 37.

***) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1909 г. Стр. 52.

екта и об'екта „Я" и „не-Я". Взяв за основу кантовский трансцендентальный идеализм, Мах в то же время боролся с кантовской непознаваемой вещью в себе. Поэтому его учение—шаг вперед по отношению к идеализму Канта, но шаг назад по отношению к материализму Маркса. „Мах, хотя и совершенно бессознательно", говорит Плеханов, „постоянно вынуждается переходить на *материалистическую точку зрения*. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с *идеалистической основой* своей собственной „философии".*)

Исчерпывающе выяснив природу рокового раздвоения Маха -его дуализма, Г. В. приходит к заключению, что „махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века."**) В этих словах был приговор тем „махообразным" марксистам, которые пытаются подвести под здание научного социализма фундамент имманентной философии; приговор тому философскому ревизионизму, который опираясь на „новейший позитивизм", приходит к старейшему идеализму.

Подытоживая значение борьбы Плеханова с махизмом в его всяческих выявлениях и всевозможных вариациях, следует признать, что эта борьба представляет собою факт столь же крупной общественно-научной ценности, как и его полемика с субъективной социологической школой и критика бернштейнианстве. В этой борьбе Плеханов неизменно оставался верным продолжателем Марксова дела и носителем философии рабочего класса. Он выявил истинную ценность всех выступлений эмпириокритиков против „бельтовской школы" против „плехановской вещи в себе". Касаясь этих выступлений, А. Деборин в свое время писал: „Как бы согласно особому уговору все критики материализма с некоторых пор тянут одну и ту же песнь с одним и тем же монотонным припевом: одно дело материализм Маркса и Энгельса, другое дело материализм Плеханова-Бельтова. Материализм Маркса и Энгельса эмпиричен и реалистичен; материализм Плеханова—Бельтова метафизичен и идеалистичен."***) То же чрезвычайно характерное обстоятельство отметил и В. И. Ленин. „Махисты, желающие быть марксистами, дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова".****) Г. В. заклеймил это „топтание" не только как неудачную, но и как немужественную философию.

Безупречные логические построения Плеханова заставляли разлетаться во все стороны карточные домики эмпириократических концепций. Его трезвый и глубокий анализ вскрывал всю реакционность теорий, которые под оболочкой позитивизма и новейшего естествознания таили в себе ядро идеализма и фиденизма. Его беспощадная убийственная - чисто гернеовская ирония вырывала всякую почву из под ног адептов трусливого идеализма.

Обороняясь от своих противников—махообразных марксистов и марксообразных махистов, Плеханов в свою очередь атаковал их; защищаясь от махизма, нападал на него. Свой переход от обороны к на-

---

*) От обороны к нападению. Стр. 55.

**) Ibidem. Стр. 67. Мы считаем долгом указать здесь, что мысль о том, что аргументация „махистов" против материализма заимствована у Беркдея, была впервые высказана Л. Н. Аксельрод (Ортодокс)—в ее „Философских очерках" (1906).

***) А. Деборин. Введение в философию диалектического материализма Птг. 1916 Стр. 343.

****) Вл. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм М. 1920 над. 2-е. Стр. 93.

падению Г. В. сопровождал той страстностью, которая составляет одну из самых характерных черт Плеханова, этого спортсмена полемики. Эта страстность дала повод некоторым видным теоретикам марксизма, в том числе и Каутскому, упрекнуть Плеханова в излишней горячности и ненужном обострении спора. Г. В. однако считал „горячность" необходимым условием борьбы с философским ревизионизмом, ибо он был убежден в том, что теоретическая буржуазная реакция, производившая в то время опустошение в рядах передовой интеллигенции России совершалась под знаменем философского идеализма. Борьбу с теми философскими учениями, которые способствуют такому опустошению, Плеханов считал обязательным вести с последовательной суровостью. В этом огромная и ценная заслуга Плеханова. Он первым из марксистов провозгласил, что за ширмой гносеологической схоластики эмпириокритиков таятся классовые тенденции. Здесь следует отметить, что осуществляя свое теоретическое размежевание с махистами в эпоху царившей в России безраздельной реакции, Г. В. поставил прогноз, в правильности которого последовательные марксисты должны были убедиться в переживаемую эпоху Великой революции. Так, напр., В. И. Невский в результате своих практических наблюдений над тем, как вырабатывается мысль рабочего класса в наше время, заявил, что идеи эмпириокритиков, с которыми столь страстно боролся Плеханов, представляют собою не „философию живого опыта," а „философию мертвой реакции". К этому положению и сводил всю свою полемику с махистами Г. В. сразу понявший погубные результаты той философской путаницы, которая наступила в результате того, что „в революционные головы попало реакционное содержание".

Особое место в „обороне" Плехановым диалектического материализма от многочисленных попыток „поверить", „дополнить", „исправить" теорию Маркса занимает отношение Г. В. к философии Иосифа Дицгена.

Как известно, учение германского философа-самоучки, самостоятельно пришедшего к открытию основных принципов диалектического материализма, дало повод некоторым из его последователей провозгласить дицгенизм высшей „универсальной натур-монистической" фазой диалектики. Плеханов выступил против такого чрезмерного увлечения философией Дицгена, заявив, что философские воззрения Маркса и Энгельса „не могут быть *дополнены*, а могут быть, пожалуй, *популяризованы* с помощью учения Дицгена".*) Плеханов считал, что у Дицгена нельзя обнаружить ни одного основного положения, которого бы не формулировали—более научно и более ясно—Маркс и Энгельс.

Центральный пункт гносеологии Дицгена—положение о том, что „мировое единство сплошь многообразно и все многообразие составляет одно монистическое целое",**) объявляется Плехановым повторением мысли, составляющей основу всякой диалектики и исчерпывающе формулированной творцами научного социализма. Анализируя характер выступлений Дицгена, направленных против спекулятивной философии, рассматривающей дух вне мира и над миром, Плеханов считает, что Дицген с этой задачей не справился. В том ответе, который Дицген дает на вопрос об отношении субъекта к объекту, Плеханов усматривал логическое грехопадение. Положение Дицгена о том, что бытие производит мышление, которое, однако, является частью бытия, по мнению Плеханова, „привлекает к И. Дицгену людей, находящихся

*) Основные вопросы марксизма СПБ 1917 г. Стр. 5.

**) Й. Дицген. Завоевания (Акквизит) философии и письма о логике СПБ 1903 Стр. 47.

под влиянием современного идеализма и во что бы то ни стало желающих приставить идеалистическую голову к историческому материализму".*)

Считая, что Маркса нельзя ни „ревизовать", ни дополнять при помощи Дицгена, Плеханов советовал знакомиться с теорией Дицгена лишь после тщательного изучения философии Маркса. „Тогда можно легко видеть, в чем он приближается к основателям научного социализма, и в чем он уступает им, значительно отставая от них. В противном же случае, чтение его внесет, правда, в голову читателя кое-какие немаловажные и интересные, но отнюдь не новые частности рядом с большой и вредной путаницей".**)

Оценка, данная Плехановым „дицгенизму", вызвала оживленную дискуссию как в России, так и на западе. Плеханова упрекали в узости, догматизме, нетерпимости. Однако наиболее авторитетные представители марксизма признали безусловную правильность положений, развитых Г. В. по поводу философии Дицгена. Франц Меринг в ответ на выступления Дицгена—сына заявил о несомненной правоте Плеханова.***) В очень категорической форме высказался по этому поводу и Ленин, сказавши, что „дицгенизм" в отличие от диалектического материализма есть *путаница*, есть шаг к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Дицгене, а из того, что есть у него слабого.****)

Центральная теорема диалектического материализма, устанавливающая, что идеальное есть перенесенное и переработанное в человеческой голове материальное, была для Плеханова не только положением, нуждавшимся в теоретической разработке и защите, но и осью универсального метода исследования общественной жизни. Этим методом Г. В. с с исключительной силой пользовался и как литературный критик, и как историк общественной мысли.

Главную задачу свою как литературного критика Плеханов видел в том, чтобы, перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления".*****) Оценивая какое-либо произведение искусства, Плеханов прежде всего выяснял, какая сторона классового сознания выражается в нем, устанавливал, где то общественное „бытие", которое определило собою данное „сознание" идеологию разбираемого произведения.

В своих критических статьях Плеханов неоднократно задавался вопросом о том, существует ли и в чем выражается причинная связь между техникой и экономикой общества, с одной стороны—и его искусством,—с другой. Восставая против расплывчатости и туманности известной формулы, определяющей искусство, как отражение жизни, Плеханов указывает, что понять процесс отражения искусством жизни можно лишь изучив механизм этой последней. Основная пружина жизни цивилизованных народов—классовая борьба. Следовательно, классовая борьба отправная точка при изучении искусства какого либо народа. Ключ к об'яснению прекрасного Плеханов отыскивает не в биологии, а в социологии. Эстетические понятия и вкусы определяются общественными условиями существования. „Держась обоими руками за то неоспоримое положение, что общественное сознание определяется

---

*) От обороны к нападению. Стр. 177 Иосиф Дицген.
**) Ibidem Стр. 181.
***) Neue Zeit 1908 № 38.
****) В. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм М. 1920 Стр. 250.
*****) За двадцать лет. Предисловие к третьему изданию СПБ. 1908. Стр. X,

общественным бытием", Плеханов во всех своих литературно-критических выступлениях апеллирует в классовой борьбе, как основной пружине общественной жизни. Критерий классовой борьбы является в руках Плеханова ключем к уразумению процесса образования любого литературного произведения. Достаточно обратиться к циклу его статей о беллетристах—народниках, чтобы воочию убедиться в том, каким мощным оружием критики был для Плеханова этот критерий. Пользуясь им, Плеханов—первый и единственный из критиков—доказал, как народническая точка зрения привела Глеба Успенского и других беллетристов семидесятых годов к неразрешимому для них конфликту художественности творчества с интересом к проблемам общественности. Плеханов выяснил, что лишь последовательная точка зрения классовой борьбы могла вывести беллетристов народников из тупика, в котором они очутились; лишь она могла разрешить роковое для них противоречие художественности и общественности. „Наш образованный разночинец", не переставал утверждать Плеханов, „должен примкнуть к начинающемуся историческому движению, стать на точку зрения интересов пролетариата. Этим он сразу разрешит все противоречия своего двухсмысленного промежуточного положения". *) Тем же отсутствием критерия классовой борьбы для Плеханова об'ясняются слабые моменты в творчестве такого художника, например, как Генрих Ибсен. Великий норвежский драматург не мог найти выхода из абстрактной, и потому бессодержательной морали, в область общественных отношений. Он не смог отрешиться от точки зрения избранных индивидуумов и их „автономной воли", став на точку зрения общества, точку зрения политики. Его многочисленные герои самоусовершенствуются, очищают волю ради очищения воли, подымают бунт духа ради бунта духа. Это привело Ибсена к символизму, рассудочности, тенденциозности.

Ибсеновское скитание в „пустые абстракции", его блуждание в лабиринте неразрешимых вопросов было следствием того, что великий писатель не сумел найти в окружавшей его пошлой действительности средства для перестройки этой самой действительности, не сумел обнаружить в ней точки опоры для приложения „очищенной воли". Этим средством является—классовая борьба, этой точкой опоры—пролетариат—наиболее нравственная и революционная часть современного общества.

Это положение было Плехановым блестяще доказано в его небольшом, по богатом по содержанию, этюде „Генрик Ибсен", являющемся классическим образцом того, как следует подходить к исследованию литературного творчества с точки зрения диалектического материализма.

Плеханов никогда не соглашался с рассуждениями Канта, доказывавшего, что эстетическое наслаждение свободно от всякого интереса. Признавая правильность указания Канта и его применении к отдельным индивидуумам Г. В. утверждал, что эстетические вкусы общественного человека в конечном счете об'ясняются причинами утилитарного характера.

В то же время, предупреждая неправильные выводы из указанного положения, Плеханов неоднократно выступал против того упрощенного взгляда, согласно которому, искусство следует рассматривать, как нечто, совершающееся под исключительным и непосредственным влиянием экономического фактора. Непосредственное влияние производительной деятельности человека на его миросозерцание, эстетические вкусы и создаваемое им искусство проявляется лишь в лишенном клас-

*) За двадцать лет Изд. 3-е С. П. Б. 1908 Гл. И. Успенского. Стр. 74.

сового характера первобытном обществе. Но в обществе цивилизованном, разделенном на классы, непосредственное влияние хозяйственной деятельности на образование искусства, становится менее заметным. Историю идеологии в обществе, разделенном на классы, можно уяснить лишь исходя из влияния классовой борьбы на психологию составных частей общества. В искусстве выражается общественная психология, характер же последней определяется теми отношениями, в которых находятся группы, образующие данное общество. Эти отношения в свою очередь складываются под влиянием развития производительных сил. Таким образом экономия влияет на искусство не непосредственно, а через различные факторы—политику, философию, религию и т. д., обусловленные ею самой.

Считая, как мы уже говорили выше, основной задачей литературной критики отыскание социалистического эквивалента художественного произведения, Плеханов очень сурово осуждал тех критиков, которые „перегибая палку в другую сторону, ограничивают свою роль тем, чтобы переводить идею произведения с языка искусства на язык философии. Определение социологического эквивалента литературного произведения являлось для Плеханова первым актом материалистической критики; ее второй акт—анализ его художественных достоинств. Этот второй акт не только возможен, но и необходим. „Социология должна", заявлял Г. В., „не затворять дверп перед эстетикой, а напротив, настежь раскрывать их перед нею". *)

Относительно Плеханова—литературного критика можно смело сказать, что он действительно никогда „не закрывал двери перед эстетикой". Достаточно прочесть его статьи об Ибсене, Горьком, Гамсуне, чтобы сказать, что он всегда „раскрывал их настежь перед нею".

Плеханов был одним из первых представителей той материалистической критики, которая по его собственному выражению, с одной стороны понимала железные законы движения „экономической струны", а с другой показывала, как на этой струне вырастает „живая одежда" идеологии.

Пользуясь историческим материализмом, как универсальным методом исследования общественных явлений, Плеханов не только оставил ряд огромной ценности литературно-критических статей, но и обогатил русскую историческую науку своими исследованиями по развитию русской общественной мысли, насквозь пронитанным диалектическим материализмом.

Никогда не порывая той причинной связи, которая существует между „ходом вещей" и „ходом идей", Плеханов исчерпывающе обосновал материалистическое понимание русского исторического процесса. Г. В. заявил, что „историк русской общественной мысли, отвергая, как совершенно устаревшее учение о полном своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае не может закрыть глаз на его относительное своеобразие".**) Не сомневаясь в том, что основным двигателем общественного процесса в России, как и во всякой другой стране, была классовая борьба, Плеханов обнаруживает коренную ошибку историков, сравнивающих эту борьбу исключительно с той, которая происходила на Западе, оставляя в стороне общественные отношения Востока. Лишь в сравнении России—страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства, с восточными деспотиями—

---

*) За двадцать лет—Предисловие к третьему изданию. С. П. Б. 1908 Стр. XVII.

**) История русской общественной мысли. т. I стр. 11

ключ к пониманию русского исторического процесса, следовательно всех извилин русской общественной мысли. Пользуясь этим ключом, Плеханов вносил очень существенные коррективы в то понимание русского исторического процесса, которого придерживались многие видные авторитеты нашей исторической науки.

В противовес тем многочисленным субъективным историкам, которые витая в облаках абстрактного идеала, всюду и везде отыскивают вечные этические категории, Плеханов, опираясь на железный рычаг классовой борьбы, никогда не оставлял твердой социологической почвы.

Об этом свидетельствуют его исследования о Чернышевском, Белинском, Герцене, Чаадаеве и прежде всего оборвавшаяся, до сих пор еще недостаточно оцененная „История русской общественной мысли". *)

Энгельс установил в „Анти-Дюринге", что „материализм, по существу, диалектичен и более не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". Доведя материалистическую диалектику до высшего совершенства, Плеханов всем своим творчеством доказывал этот энгельсовский тезис. „Философия Маркса и Энгельса", говорит Г. В., не только материалистическая философия. Она есть диалектический материализм". **) Никогда не оставляя отточенного оружия диалектики, Плеханов рассматривал всякую форму в процессе движения. Он подходил к каждому историческому явлению, как к преходящему и старался не только вскрыть причины, его породившие, но также отыскать те семена развития, которые оно в себе таит:

— Все течет, все изменяется, каждая вещь носит в себе зародыш своего исчезновения. Такой ход вещей, отражаясь в человеческих головах, обусловливает собою то, что каждое понятие заключает в себе зародыш своего отрицания. Это—естественная диалектика понятий, основанная на естественной диалектике вещей. Она не сбивает людей, владеющих ею, а напротив, придает их мысли гибкость и последовательность. ***)

Плеханов владел материалистической диалектикой, как никто. Поэтому она не сбивала его, а служила ему компасом, которым он пользовался при исследовании самых сложных и запутанных явлений общественной жизни. Следуя известной энгельсовской формуле, Плеханов всегда рассматривал вещи и их отражения в понятиях „в их взаимной связи, сцеплении, в движении, возникновении и уничтожении". Ни одного из принципов не возводил он на степень безусловной истины. Лейт-мотивом всего его творчества было: „отвлеченной истины нет; истина конкретна, в ней все зависит от обстоятельств времени и места. Плеханов никогда не мыслил по формуле: „да-да, нет-нет, что сверх того—от лукавого". Он жестоко смеялся над так мыслящей „доктринерской породой марксистских попугайчиков", „марксят", как говорил Г. В.

Материализм и диалектика являлись для Плеханова понятиями, взаимно дополняющими друг друга. Без одного из них он не мыслил другого. „В основе нашей диалектики", говорил Г. В., „лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она пала-бы, если-бы суждено было пасть материализму. И наоборот. Без диалектики неполна, односторонна,—скажем больше: невозможна материалистическая теория познания". ****)

---

*) Подробно этого вопроса мы касаемся в главе о Плеханове—историке общественной мысли.

**) Предисловие к „Людвигу Фейербаху" Энгельса стр. 13.

***) Генрих Ибсен С. П. Б. 1906 стр. 42.

****) Примечания к Людвигу Фейербаху Энгельса. Стр. 21.

Диалектика—живой дух марксизма; революционность—душа диалектики. Революционная по существу, устанавливающая неминуемость уничтожения существующего уклада, она неприемлема в своем рациональном виде для идеологов буржуазии. Вот почему последние предпочитают иметь с ней дело „в мистифицированном виде"; как говорил Маркс. „В мистифицированном виде" диалектика превращается в оправдание действительности, становится философским освящением последней. „Мистификация" диалектики сводится к притуплению ее революционного острия, приписываемому ей отрицанию скачков в природе и общественном процессе, провозглашению непрерывности последнего. В своем „мистифицированном виде" диалектика превращается в теорию постепенного эволюционного принципа.

Здесь—об'яснение тому, что большинство бывших марксистов, ушедших от рабочего класса к мелкой буржуазии, свой „критический пересмотр" философских предпосылок марксизма начало с „мистифицирования" диалектической формулы. „Нам может быть понятно только непрерывное изменение", писал в свое время П. Б. Струве, „поэтому старое положение: natura non facit saltus (природа не делает скачков) должно быть дополнено другим: intellectus non patitur saltus (интеллект не терпит скачков)". *)

Струве, Бернштейн, Бердяев, Булгаков утверждали, что природа, интеллект, история не „терпят скачков". Из этой философской предпосылки следовал естественный вывод о невозможности скачка из „царства животных в область человеческой свободы", о невозможности четко провести демаркационную линию между сменой одной социальной формации другой, об утопичности предсказаний Zusammenbruch'a. Грозная перспектива социальной революции в результате „ревизии" сменялась миролюбивыми чаяниями социальной реформы.

Плеханов, доказав шаткость аргументов от философии Струве—Бернштейна, первый из марксистов, определил те классовые стимулы, которые привели их к реакционной мистификации революционной диалектики.

Положению ревизионистов о том, что скачков не бывает, а есть только непрерывность, Плеханов противопоставил утверждение о том, что в „действительности изменение всегда совершается скачками, но только ряд мелких и быстро следующих один за другим скачков сливается для нас в один „непрерывный процесс". **). Изучая природу и общество, надлежит всегда помнить, что скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам. Лишь на основе этого синтеза можно воздвигнуть правильную теорию познания.

Что касается той практической тенденции, которую таят в себе теоретические выступления в области толкования диалектического принципа, то Плеханов трактовал ее как тягу к передовым слоям мелкой буржуазии и попытку „приспособить" марксово учение к ее идеологическим запросам.

Диалектический материализм был для Плеханова цельным и единым философским миросозерцанием. Он неоднократно указывал, что исторический материализм это только часть материалистического понимания мира, что материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы. В отличие от многих других марксистов, Плеханов был убежденным противником того взгляда, который

*) Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV. Hett 2 S. 679. Цитирую по Плеханову

**) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков. Стр. 104.

защищал, напр., Штери, утверждавший, что „не только с нравственным, но и с философским материализмом исторический материализм не имеет ничего общего". *) Г. В. доказывал, что между материалистической философией и материалистическим пониманием истории имеется взаимная и неразрывная связь, что Маркс и Энгельс—материалисты не только в области исследования общественного процесса, но и в области понимания отношения между материей и духом.

Н. К. Михайловский в шутку назвал Плеханова „поэтом марксистской диалектики". Мы можем повторить теперь слова Михайловского, отнюдь, не иронически. Г. В. был настоящим поэтом марксистской диалектики, которой он владел как немногие из учеников Маркса. Неуязвимая в логических построениях, убийственная в беспощадной иронии, овеянная пафосом революционной страсти, диалектика Плеханова была исключительной по своей силе и красоте.

Работа, проделанная Плехановым в области разработки диалектического материализма, поистине, огромна. Собирая воедино наследство Маркса—Энгельса, Г. В. разрабатывал, систематизировал, грудью защищал его от всякой попытки засорения, искажения и нес в массу марксов светильник материалистической диалектики.

В истории русской общественной мысли есть эпоха, когда наша разночинная интеллигенция массами становилась под знамя диалектического материализма. То были годы, когда Россия вступила в фазу капитализма, что не позволило более русской интеллигенции исповедывать исторический идеализм и толковать об исключительной самобытности русского исторического процесса. „Тогда", говорит Плеханов, „явился сильнейший спрос на исторический материализм, потому что только с его помощью можно было сделать удовлетворительный анализ как западно-европейского, так и русского общественного бытия" *) Вполне естественно, однако, что массовое увлечение историческим материализмом могло продолжаться лишь до тех пор, пока довлели реальные предпосылки этого увлечения. Вскоре начался „отход" от материализма и „возвращение" к идеализму со стороны интеллигентов, являвшихся идеологами европеизированной русской буржуазии, не смогшими примириться с теми выводами, к которым приводило приложение материалистического метода к русской общественной жизни. О всех почти теоретиках, выступивших в начале девяностых годов глашатаями диалектического материализма, через какой-нибудь десяток лет можно было сказать, что „иных уж нет, а те далече". И лишь один Плеханов, в отличие от своих минутных сторонников, бывший идеологом пролетариата, до конца дней оставался безупречно последовательным материалистом. Недаром один из наиболее убежденных идеалистических противников Плеханова И. И. Кареев, вспоминая свою полемику с материалистами, сказал в 1913 году: „Из тогдашних теоретиков экономического материализма, один только г. Плеханов остался твердо стоять на занятой им позиции". **) Будучи идейным преемником Маркса—Энгельса и наследником их философской системы, Плеханов безбоязненно отстаивал дух марксовой философии, но никогда не был в плену ее догмы. В. Г. мог не сомневаться когда однажды сказал: „Я предоставляю сведущим в философии людям решить, как относусь я к Марксу и Энгельсу: „как

*) Н. Штерн. Исторический материализм. Перевод в изд. „Голоса" СПБ. 1907. Стр. 19.

*) История русской общественной мысли т. I стр. 129.

**) И. И. Кареев, Собрание сочинений. 1913. т. III. стр. VI.

раб, следующий за своими господами, но неспособный усвоить всю полноту их мысли, или же, как ученик, сознательно отстаивающий те принципы, к которым пришли его великие учителя". *).

Мы видили выше, что Плеханов никогда не обращал исторического материализма в шаблон. Он всегда относился чрезвычайно критически ко всем тем марксистам, которые злоупотребляли историко-материалистическим методом, как например, автору „Греческой теории становления" Элевфоропулосу или немецкому марксисту Фейергарду, недопустимо упростившим и сематизировавшим материалистическое понимание истории.**)

В ту пору, когда Плеханов начал свои выступления в защиту диалектического материализма, его противники упрекали Г. В. в том, что защищаемая им философская система не создала такой книги, которая давала бы этой системе оправдание. Плеханов в ответ указывал, что такая „книга" может быть создана только путем „длинного ряда частных исследований, обрабатывающих соответствующие области науки с помощью марксова метода".***).

Если так, то следует признать, что никто не сделал для создания книги столько, сколько сам Плеханов. В его философских памфлетах, литературно-критических и исторических трудах мы имеем настоящую „книгу" диалектического материализма. В каждой странице этой книги чувствуется, что она написана человеком для которого диалектический материализм был сильнейшим из духовных оружий рабочего класса в борьбе за его раскрепощение. Поэтому Плеханов так ревниво оберегал философию пролетариата от всякого искажения ее теориями, „бившими марксизм по лицу": на духовном оружии самого революционного из всех классов современного общества нельзя оставить ни единого пятна эклектической ржавчины—она притупит это оружие. О Плеханове можно смело сказать словами Энгельса, что он „не шутил с марксизмом".

В „Критике гегелевой философии права" Маркс утверждал, что подобно тому как пролетариат обретает в философии духовное оружие, точно также философия обретает в пролетариате свое физическое оружие. Если так, то заслуга Плеханова в области диалектического материализма велика вдвойне. Он не только дал в руки рабочему классу России это мощное оружие, но он предварительно этот рабочий класс открыл".****).

История русской общественной мысли в одинаковой степени оценит величие этих обоих заслуг пред делом российского освобождения.

С. Вольфсон.

---

*) От обороны к нападению. Стр. 633. Идеология мещанина нашего времени.

**) У нас в России, такой склонностью к упрощению Марксизма особенно страдал, как известно, покойный Шулятиков.

***) Основные вопросы марксизма". Изд. 1917 стр. 105.

****) Об этом подробно в главе о роли Плеханова в русском рабочем движении.

Вольфсон С.Я. Труды Белорусского гос. ун-та в Минске. №1. — Минск, 1922

Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова.*)

Маркс и Энгельс *создали* диалектический материализм, оставив своим последователям великую задачу *собирания* во-едино и *систематизирования* их гениального наследства.

Задача превращения марксова материализма в единую экономическо-монистическую социологию была выполнена духовными наследниками Маркса и Энгельса, среди них одним из первых Георгием Валентиновичем Плехановым.

Постараемся выявить роль Плеханова в деле популяризации идей диалектического материализма, углубления его отдельных проблем, превращения его в универсальный метод исследования общественных явлений—одним словом, в деле разработки той—по слову Меринга—„рудоносной жилы с огромным запасом неиспользованных сокровищ", которую представлял собою исторический материализм после Маркса и Энгельса.

Г. В. был „заражен" историческим материализмом уже задолго до того, как он стал марксистом. Еще в народническом периоде своего развития Плеханов, находясь под сильным влиянием Бакунина, занимствовал у последнего его уважение к историческому материализму. Об этом говорит сам Плеханов в предисловии к первому тому его сочинений, вышедшему в 1905 году в Женеве, об этом свидетельствуют некоторые статьи, относящиеся к народническому периоду жизни Г. В.

Так, уже в статье „Закон экономического развития общества и задача социализма в России", написанной в январе 1879 года, т. е. за четыре года до его разрыва с народничеством, Плеханов обнаруживает, в отличие от его товарищей по революционной работе, согласие с основными положениями исторического материализма. В этой статье Плеханов выступает против утопистов, считающих, что „метафизическая сущность—пропаганда способна изменять по произволу ход истории". Через год Плеханов говорит уже языком человека, твердо стоящего на почве исторического материализма. В статье „Черный Передел" (январь 1880 г.) Г. В. определенно заявлял: „Экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов".

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата. Исторический материализм обвиняли в механичности, внутренних противоречиях, фаталисме, философской плоскости, квиэтизме, шаблонности, аморальности, метафизичности... Направленные против исторического материализма выступления дали повод Карлу Каутскому, Францу Рерингу, Полю Лафаргу выступить с блестящими апологиями исторического материализма, значительно обогатившими научную сокровищницу марксизма.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—4 годов появился ряд статей, „развенчивающих" исторический материализм преимущественно аргументацией германских идеалистов. Н. К. Михайловский, проф. Кареев, Кудрин, Николай—он, Южаков и другие критики исторического материализма доказывали доктринерскую однобокость этой системы, ее догматическую односторонность, ее научную несостоятельность.

Ответом на все эти выступления—audiatur et altera pars—послужила вышедшая в 1895 году книга Плеханова, до сих пор являющаяся классическим руководством по истории и теории диалектического материализма. Ставшая вехой в развитии русской общественной мысли, книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" оказала на умы современников влияние совершенно исключительное. По свидетельству Лядова, молодежь сплошными рядами покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке.*) Бельтов стал властителем дум поколения, которое Шелгунов назвал „молодежью будущего". Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии", как ее назвал один из тех минутных сторонников исторического материализма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпагу свою", скатившись по пути „от марксизма к идеализму" в пропасть мистицизма и реакции.

Возникает вопрос, соответствовала ли ценность книги Плеханова той научной оценке, которую она встретила. К рассмотрению этого вопроса мы и перейдем.

Одним из наиболее ценных моментов в книге Плеханова мы считаем обоснование им правильного взгляда на сущность французского материализма XVIII века, в отношении которого до сих пор приходится сталкиваться с самыми запутанными представлениями. В девяностых же годах смешение диалектического материализма с французским, приписывание первому слабых сторон второго, отсутствие ясного представления о грани, отделяющей философские взгляды Маркса и Энгельса от учения Гольбаха и Гельвеция было делом обычным. Плеханов четко и определенно провел эту грань, установил действительное отношение, существующее между диалектическим материализмом и французским XVIII века, вскрыл противоречия и слабости последнего. Он показал, что материализм Маркса и Энгельса насквозь диалектичен в то время, как воззрения Гельвеция и Гольбаха пронизаны метафизикой, родясь таким образом с метафизическим идеализмом, вместе с которым они признают неизменность субстанции. Установив те моменты, в которых диалектический материализм примыкает к французскому, являясь его продолжателем, Г. В. вместе с тем вскрыл роковые противоречия, в заколдованном кругу которых блуждала философская мысль Гельвеция, Гольбаха и их единомышленников, он обнаружил непоследовательность и логическую незаконность их системы, признававшей познаваемость свойств вещей и объявлявшей непознаваемой сущность материи. А Деборин вполне прав, говоря, что Плеханов „первый представил французский материализм в его истинном свете".**)

Перейдем к следующим заслугам выступления Плеханова.

В семидесятых годах Н. К. Михайловский видел в историческом материализме „превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их суще-

*) Глава из работы: „Г. В. Плеханов. Жизнь и творчество".

*) См. М. Лядов. История РСДРП. ч. I.

**) А. Деборин Введение в философию диалектического материализма (Стр. 223 Птг. 1916.

ствования.*) Впоследствии, изменив свое отношение к философскому учению Маркса, Михайловский выступил одним из наиболее страстных противников исторического материализма, обесценивая в глазах читающей публики его научную ценность. Михайловский доказывал, что, „экономический материализм с есть всеоб'емлющая философская система, а только обломок ее, что самые основные теории экономического материализма... остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными".**)

Плеханов своим выступлением „по печатному водя" доказал необоснованность утверждения о несвязанности и непроверенности системы Маркса. „Положения исторического материализма не связаны между собой?", вопрошал Плеханов,—„стоит только прочесть предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie", чтобы видеть до какой степени стройно и тесно связаны они между собой". Стоило, в самом деле, непосвященному читателю обратиться к тому знаменитому введению, на которое ссылался Плеханов, чтобы сразу установить наличность в нем тех самих обобщающих и неразрывно связанных между собой идей, которых тщетно искал у Маркса Михайловский.

Плеханов обнаружил ту жестокую ошибку, в которую впадают суб'ективисты, пытаясь разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией, признавая первые и отрицая вторую. „Этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов". Считая экономические взгляды Маркса неот'емлемым спутником исторического материализма, Плеханов неоднократно доказывал то положение, которое Маркс формулировал словами: „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства" („Нищета философии"). Плеханов опровергал и обвинение в непроверенности принципов исторического материализма. „Они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге „18-ое Брюмера", и в „Капитале"...—решительно во всех главах от первой до последней".

Научная ценность и общественный смысл выступления Плеханова должны были выразиться в том, чтобы выбить противников исторического материализма из тех идеалистических и суб'ективистских позиций, на которых они закрепились.

Со свойственным ему полемическим задором Плеханов дал в своей книге образ титулярной советницы, которая думает, что весь смысл теории Дарвина сводится к тому возмутительному положению, что вот дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более, как наряженную в чепчик обезьяну. Плеханов ставил своей целью доказать, что „Маркс так же мало клевещет на „интеллигентов" как Дарвин—на титулярных советниц".

Следует признать, что при всей карикатурности приведенного образа он в общем отражал отношение к историческому материализму некоторой части буржуазной и народнической публицистики. Последняя давала лишнее доказательство словам Меринга о том, что современное буржуазное общество стоит в том же отношении к материализму, в каком оно раньше находилось к дарвинизму, рассматривавшемуся как „обезьянья теория". Отождествление материализма со шкурничеством было в девяностых годах ходячим упреком по адресу материалистов иногда не только в обывательской среде...

Указывая, что материалисты сообразуют свои идеалы с экономической действительностью, Плеханов разоблачает суб'ективистов, в силу своей склонности к метафизике, не понимающих двойственного, антогонистического характера всякой действительности. Материалисты опираются не на отживающую действительность, а на ту, которая приходит ей на смену—„действительность будущего, служить которому значит содействовать торжеству великого дела любви". Нельзя говорить о том, что материалисты не придают никакого значения идеалам. Если говорить в смысле „идеалов", заявлял Плеханов, теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда—либо существовала в истории человеческой мысли.

Противники исторического материализма считали (да и теперь, пожалуй, считают) ахиллесовой пятой этого учения его „однобокость", „односторонность"—то, что оно является всеоб'емлющей и потому „хромающей" теорией, утрирующей одни и затушевывающей другие элементы общественного развития. Корректируя эту мнимую односторонность исторического материализма, его противники занимали „нейтральное положение" между материализмом и идеализмом, доказывая, что „... и психологическое, и экономическое направления истории одинаково верны, поскольку они... дополняют друг друга".*)

Плеханов взял на себя задачу доказать, что всякая попытка синтеза идеалистической и материалистической точек зрения приведет не к открытию „полной истины", которую искала суб'ективная социологическая школа, а к „нищенской похлебке эклетизма". Он установил в своей работе, что дуалистические системы, для которых дух и материя являются взаимно дополняющими субстанциями, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного об'яснения исторического процесса. Поэтому он звал к об'яснению явлений помощью одного основного принципа—к монизму.

Для суб'ективно-социологической школы об'яснение общественного процесса духовным началом было тезисом, рассмотрение его с экономической точки зрения—антитезисом и потому она звала к третьему моменту, в котором „односторонности тезиса и антитезы найдут свое примирение". „Соблюдая нейтралитет" между душой и телом, суб'ективисты отыскивали синтез в примирении идеализма с материализмом.

Плеханов обнаружил, что „синтез" суб'ективистов ведет к дуализму чистейшей воды. „У него", говорит Плеханов о Кареве, „тут—экономия; там—психология; в одном кармане—душа; в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности"**) Дуализму социологической школы Плеханов противоставил монизм марксизма. Он указывал, что у Маркса психология и экономия являются двумя сторонами одного явления—борьбы за существование, в процессе которой происходит определенная общественная группировка, обусловливаемая состоянием производительных сил. Плеханов исчерпывающе раз'ясняет, как следует понимать primum agens исторического материализма—экономику. Вот что он говорит по этому поводу:

— Борьба за существование создает их (людей...С.В.) экономию, на ее же почве вырастает и их психология... Экономия сама есть нечто производное, как и психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно

*) Отечественные Записки. 1877.

**) Русское Богатство. 1894.

*) Н. Кареев. Критика экономического материализма.

**) К вопросу о развитии монист. взгляда. Изд. IV. стр. 149.

К 8822

как и психологию, новый „дух времени“... Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция“ производительных сил.*)

Развитие общественного процесса Плеханов мыслит таким образом. На кривой линии исторического развития существуют точки великих переворотов; эти точки А, В, С, Д и т. д. Когда экономическое развитие достигает точки А, торжествует один класс; когда оно доходит до точки В, класс прежде господствовавший, вынужден уступить свое место новому классу и т. д.—до тех пор пока общественное развитие не достигнет конечной точки С, на которой исчезнет самое деление общества на классы. Движение человечества от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д.. вплоть до точки S никогда не совершается в плоскости одной экономики. Чтоб перейти от точки А до точки В и т. д. нужно каждый раз подняться в „надстройку“ и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. Путь от одной точки поворота к другой лежит чрез „надстройку“.**)

Плеханов неоднократно подчеркивает, что экономические отношения не являются застывшим метафизическим понятием. „Они вечно изменяются под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество“. Выясняя закономерность общественного процесса, Плеханов впоследствии (в „Основных вопросах марксизма“) развернул формулу, выясняющую взаимодействие между производительными силами и общественной экономией, вместе с тем взаимодействие между экономической „основой“ и идеологической „надстройкой“. Опровергая обвинение исторического материализма в фетишизировании им экономического фактора и игнорировании всех остальных факторов общественного развития, Плеханов развертывает следующую пятичленную формулу отношения „основания“ к „надстройке“.

1. Состояние производительных сил.
2. Обусловленные ими экономические отношения.
3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.
4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.
5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.***)

Плеханов вполне прав, говоря, что приведенная формула и достаточно широка, чтобы вместить в себе все формы общественного развития, и в то же время насквозь пропитана материалистическим монизмом.

Туманному, почти метафизическому понятию взаимодействия „души“ и „тела“, Плеханов противоставил ясную и определенную формулу, находившуюся в строгом соответствии со взглядами Маркса; всегда признававшего в общественном процессе действие „духа“, как силы в конечном счете направляемой экономикой. Обоснование и популяризация этой формулы явились делом сугубой важности; надо помнить, что в то время „узость“ и „односторонность“ диалектического материализма были излюбленной мишенью для его критиков. Своим выступлением

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 149.

**) См. открытое письмо к В. А Гольцеву. „За двадцать лет“ Изд. 3-ье СПБ. 1908. стр. 440.

***) Основные вопросы марксизма. СПБ. 1917 г. стр. 96.

Плеханов обесценил все те „примирительные“—эклектические теории, которые признавали самостоятельность многочисленных элементов общественного развития, мыслимых находящимися во взаимодействии.

До конца последовательный монист, Плеханов во всякой научной системе прежде всего ценил ее логическую последовательность, ее монистическую выдержанность. Яснее всего это сказалось на его отношении к гегелевой философии, которую Плеханов ценил исключительно высоко главным образом потому, что она учит нас последовательному мышлению; он считал, что „кто с любовью и вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклетического винегрета“. *)

Если „односторонность“ была одним из ходячих упреков, направлявшихся против диалектического материализма, то другим из них был „фатализм“. По какой-то злой иронии самому действенному из философских учений ставилось в вину, что оно влечет за собой гражданский индифферентизм и квиетизм. Плеханов блестяще выяснил, как противники диалектического материализма приписывают ему свойства материализма метафизического, которому, действительно, присущ фаталистический характер. Материализм диалектический—не философия фатализма и пассивности, а философия действия и активности. Плеханов установил всю несостоятельность обвинения диалектического материализма в том, что он признает слепое подчинение необходимости. Диалектический материализм дает в руки угнетенных классов рычаг в борьбе с экономической действительностью. Никакое изменение в общественных отношениях немыслимо без участия масс. Необходимость участия масс в историческом процессе обусловливает влияние на них более развитых и более нравственных личностей. „Таким образом открывается широкий простор для плодотворной деятельности отдельных личностей, и если между этими личностями нашлись бы такие, которые превратились бы в Обломовых под влиянием экономического материализма, то в этом надо было бы винить не экономический материализм, а именно эти личности“. **)

„Уничтожающее презрение и холодная жестокость“, с которой, по мнению Михайловского, материализм относится к личности, были опровергнуты Плехановым. Диалектический материализм отнюдь не требует слепого подчинения железному экономическому закону. Он старается познать этот закон и, познав его, сделать необходимость послушной рабой разума.

„Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока невежественен, возражает материалист—диалектик, но я—бог, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus“.***)

Человеческий разум не творит истории; он сам является ее продуктом. Но раз явившись, как следствие исторического процесса, он старается преобразовать жизнь т. е. направить течение истории по тому руслу, которое считает более желательным.

Развитие разума общественного человека можно об'яснить, с точки зрения исторического материализма, лишь посредством законосообразной деятельности людей в общественно-производительном процессе т. е. действия. К действию же сводится вся практическая философия диалектического материализма. „Диалектический материализм есть философия действия“, провозгласил Плеханов своей книгой. Призывая

*) К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. Критика наших критиков. СПБ 1906. Стр. 209.

** Из открытого письма к В. А. Гольцеву. За двадцать лет изд. 3-ье СПБ. 1908. Стр. 438.

***) К вопросу о развитии изд. IV. Стр. 201.

882

сторонников диалектического материализма к действию, заявляя, что „не следует оставлять светильника в тесном кабинете интеллигенции", Плеханов говорил:

— Пока существуют „герои", воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа" станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе" разовьется соответствующее этому самосознание. *)

„Надо разбудить в толпе героическое самосознание", провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества и хмурых чеховских человечков. Она выявила в новом, революционном свете все основные моменты диалектического материализма, показала, что последний, говоря словами Франца Меринга, не пассивная игрушка мертвого механизма, а живая действенная сила, призванная преобразовать мир.

Предрассудки о „механичности" и „квиетизме" исторического материализма были опровергнуты Плехановым с такой же последовательностью и неуязвимостью, как, раньше мнения о его „узости" и „односторонности".

Эта крупная заслуга Плеханова станет еще более рельефней, если сравнить его выступление с другим, почти одновременным, в защиту исторического материализма—П. Б. Струве. *) В книге Плеханова выступили во весь свой рост те моменты активности и действенности диалектического материализма, которые были затушеваны в „Критических записках" Струве. Если в струвевских „Записках" можно было заметить зародыши будущего ревизионизма их автора, то в плехановском „К вопросу о развитии" чувствовалось величие духовного наследства Маркса—Энгельса.

Вполне понятно, что выступление Плеханова, действовавшего согласно своему любимому полемическому правилу—„От обороны к нападению", вызвало целую кампанию со стороны противников диалектического материализма, пытавшихся обесценить научную и общественную ценность этого выступления.

Следует признать, что во всех выступлениях оппонентов Плеханова, последовавших в течение 1895 года и продолжавшихся много лет подряд, не было ни одного довода против диалектического материализма, который не приводился бы ими раньше или не был заимствован у западно-европейских критиков марксизма. Выступая против „догматического увлечения" Плеханова диалектическим материализмом, его противники подымались на „высоты об'ективной истины", с которых и старались изобличить Плеханова в той или иной ошибке, неправильной цитате, логическом промахе, противоречии Марксу. Однако, ни одно из этих выступлений, а их было множество, не в состоянии было опровергнуть того генезиса диалектического материализма, который дал Плеханов, поколебать той аргументации, которая была им развернута.

Один из главных оппонентов Плеханова Н. Н. Кареев признал относительно выступления другого из них—Н. К. Михайловского, что оно „дает очень много материала для критики книги г. Бельтова, его научных и полемических приемов, но очень мало касается самых основ экономического материализма". **) Эти слова можно было применить ко

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 203.

**) Петр Струве. Критические заметки. 1894.

всем почти выступлениям, последовавшим в ответ на книгу Плеханова, в том числе и к выступлениям профессора Кареева. Они все „очень мало" касались тех основ марксова материализма, которые защищал Плеханов, и еще меньше эти основы поколебали. Кареев был вполне прав, заявив в той же статье, что он не думает, „чтобы вся эта критика экономического материализма могла в скором времени положить конец догматическому увлечению этой идеологическою концепциею"...

Подытоживая значение выступления Плеханова, мы отмечаем следующие моменты, в которых выявилась ценность „К вопросу о развитии монистического взгляда":

1. Генезис идей диалектического материализма.

2. Отмежевание диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизическою материализма; вскрытие слабых сторон последнего.

3. Обоснование того положения, что диалектический материализм—не обломок левого гегельянства, а цельная научная теория.

4. Опровержение „односторонности" диалектического материализма.

5. Подход к диалектическому материализму, как—философии действия.

6. Формула практического применения принципов диалектического материализма к русской действительности. *)

7. Демонстрация диалектического материализма, как универсального метода исследования общественных явлений.

Борьба с Михайловским, Кареевым и всей суб'ективно-социологической школой была для Плеханова борьбой с людьми „с другого берега"—мыслителями идеалистического, в корне враждебного марксизму миросозерцания. Иной характер носила его борьба с теми „услужливыми друзьями" марксизма, которые, на словах „дополняя", „очищая" и „поверяя" диалектический материализм, его в действительности укорачивали, засоряли и искажали.

В этом отношении Плеханову раньше всего пришлось столкнуться с Эдуардом Бернштейном, „ревизовавшим" не только практику марксизма, но и его философию.

Монизм, который является для Плеханова основным коэффициентом материалистического миросозерцания, Бернштейном оспаривался. Он выступал против самого термина „монистический". „Почему не прямо „простоватый" (simplistisch)"?, недоуменно спрашивал Бернштейн. Однако, расхождение было не только в терминологии, вернее оно было вовсе не в ней—корни были гораздо глубже и касались самых основ материалистического миросозерцания. Чистый или абсолютный материализм,—утверждал Бернштейн,—точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны. Для Бернштейна неприемлем тот „детерминизм" исторического материализма, при котором „материалист—тот же кальвинист, только без бога." Бернштейн берет под свою высокую руку эклетизм, ибо „эклетический дух" есть возмущение здравого смысла против свойственного всякой доктрине стремления подгонять мысль под один шаблон. „Расширяя" теорию исторического материализма и восставая против „ничем не ограниченного" монизма, Бернштейн провозглашал, что „социал-демократии нужен новый Кант, который доказал бы, что презрение к идеалу, признание

*) Этого вопроса мы в настоящей главе не касаемся, ибо рассматриваем его в главе о Плеханове—экономисте.

883/3

материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует."*)

Плеханов был первым из марксистов, давших оценку выступлениям Бернштейна, как эклектическому соединению научного социализма с учением буржуазных идеологов. Г. В. опроверг ту мнимую идентичность бытия и мышления в материализме которая позволяла Бернштейну отождествлять материализм с идеализмом, и утверждал, что признание этой идентичности возможно только в идеализме. Он установил, что Бернштейн и другие критики марксизма, его „углубляющие" и „дополняющие" в сущности бьют Марксу челом его же добром и в своей невероятной наивности даже и не подозревают, что „Маркс", которого они „критикуют" не имеет ничего общего кроме имени с настоящим Марксом, будучи создан их собственным и поистине разносторонним непониманием предмета.**)

Искажение, о котором говорил Плеханов заключалось преимущественно в приписывании марксизму „автоматического" понимания исторического действия экономики, которым марксизм никогда не грешил и против которого неоднократно высказывались сами основоположники диалектического материализма. От лиц „автоматически", понимавших его учение, как известно, Маркс открещивался, говоря „Je ne suis pas marxiste"...

„Критикуя критиков Маркса," Г. В. доказал всю нелепость обвинения марксизма в автоматическом понимании исторического процесса. Он установил, что обвинение в автоматичности есть попытка обесценить марксизм со стороны тех, которые мечтают о замене „конечной цели" социальной реформой. Каждое выступление Плеханова было лучшим доказательством того, что марксизм отнюдь не „автоматически" воспринимает процесс общественного развития.

Плеханов дерзнул выступить против Бернштейна уже в 1898 году—во время Штутгартского партейтага т. е, когда Бернштейн был одним из наиболее авторитетных идеологов германской социал-демократии. В статье „Wofur sollen wir ihm dankbar sein", напечатанной в „Sachsische Arbeiter Zeitung", Плеханов уже тогда заклеймил затеянную Бернштейном „ревизию" как отступничество от марксизма и поставил вопрос ребром: или марксизм похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит марксизм. Такая постановка вопроса была признана недопустимой даже радикально настроенными представителями германской социал-демократии.

В течение своей трехлетней полемики с Бернштейном Плеханов не уставал подчеркивать, что критический пересмотр марксизма Бернштейном это не философское заблуждение, а выражение определенных социально-политических тенденции—сближения с передовыми слоями буржуазии, перехода в ряды мелко-буржуазных сторонников социальной реформы.

Прогноз Плеханова блестяще оправдался последующими выступлениями Бернштейна и уже в конце 1901 г. Г. В. имел возможность начать свою статью „Духовное завещание г. Бернштейна" словами: „Г. Бернштейн умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал" *).

В своей борьбе с бернштейниадой—со всеми теми, кто „пересматривал" и искажал Маркса, Плеханов был беспощаден. Критикуя критиков марксовой философии, он не знал никаких расплывчатых формул, полуслов и неясностей, ибо сознавал, что тут спор идет о головах".

С той же беспощадностью отнесся Г. В, не только к тем марксистам, которые звали „назад к Канту", но также и к тем, которые выступили с попытками „нового обоснования" марксизма, противоставляя диалектическому материализму критический реализм, окрашенный в эмпириокритические, эмпириосимволические, эмпириомонистические и всякие иные тона. Все эти выступления, которые велись в значительной части своей под флагом „очищения марксовой философии от засорения ее плехановской школой", в действительности являлись ничем иным, как антиматериалистической философской ревизией марксизма. Борьбе с этой ревизией, как мы уже сказали, Плеханов отдался с той же последовательностью, как раньше борьбе с бернштейнианством, ибо считал, что и то и другое „бьет марксизм по лицу". „Идейная неясность" писал Плеханов в 1907 г. „особенно вредна у нас в настоящее время, когда, под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты... об'являют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца".**) Этим и об'ясняется та страстность, которая проявилась в полемике Плеханова с эмпириокритиками.

Центральной мишенью критики Богданова, Базарова, Юшкевича, Валентинова и других марксистов, поднявших по чьему-то язвительному замечанию „бунт на коленях" против марксизма, была плехановская „вещь в себе". Определяя опыт, как „наши собственные ощущения и образы предметов, вырастающие на их основе" (Примечания к „Людвигу Фейербаху" Этельса), Плеханов устанавливал, что материей называется то, что „действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения". То, что вызывает в нас ощущения, Плеханов определяет кантовским термином „вещи в себе", совокупность „вещей в себе" и есть материя. Критики Плеханова считали, что „вещью в себе" он воскрешает кантианство и рвет с марксизмом, для основоположников, которого не было, дескать, никаких „вещей в себе" т. е. вещей вне наших ощущении и представлении.

Материалисты, по словам Плеханова, никогда не утверждали, что они знают каковы вещи сами по себе—независимо от их действия на нас, а только считают, что вещи известны нам именно потому, что они действуют на наши органы чувств и именно в той мере, в какой они на них действуют".***) Что же касается кантианства, отрицающего применение категории причинности к „вещам в себе", то оно непосредственно приводит к суб'ективному идеализму, ибо „если вещь сама по себе не действует на нас, то мы ничего не знаем об ее существовании и самое представление о ней должно быть об'явлено

---

*) Эд. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод Л. Канцель. Изд. II СПБ 1901. Стр. 330

**) Плеханов. Основные вопросы марксизма. Над. 1917 г. Стр. 76

*) Точно также жизнь оправдала одновременный прогноз П-ва в отношении другого из критиков марксовой теории—П. Б. Струве. В 1901 г. Г. В. предсказывал Струве, что „неомарксизм" доведет его до роли теоретика мелкой буржуазии и идеолога либерализма. Как известно, Струве докатился до ступеней, еще гораздо более далеких. Подробнее об этом—в главе о Плеханове—экономисте.

**) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 109.

***) Ibidem

882/4

ненужным т. е. лишним в нашей философии".*) Естественный результат такого подхода к вещам—солипсизм—признание других людей существующими лишь в нашем воображении.

Так как Плеханов указывал, что материя как отправной пункт опыта не может быть философски исчерпывающе определена, то его оппоненты выдавали на этом основании материи testemonium paupertatis, утверждая, что „понятие настолько неопределенное и неопределимое не может быть основою какого-бы то ни было философского мировоззрения.**) Г. В. установил, что понятию „материя" или понятию „дух" нельзя дать никакого исчерпывающего философского определения—нужно лишь взять какое-либо из этих понятий первичным фактом.***) Обвинять материалистов в том, что, говоря о вещах в себе—вещах вне нашего сознания, они впадают в метафизику, значит изобличать самого себя в отрицании соответствующей нашим ощущениям об'ективной реальности. Отрицать же последнюю значит признавать первичность духовного по отношению к физическому,—сознания по отношению к бытию т. е. превращаться в идеалистов. Плеханов таким образом поставил с головы на ноги тот гносеологический вопрос, который выдвинули как главное оружие против него эмпириокритики и которому они придали постановку, обозначавшую поворот от материализма к идеализму.

Плеханов установил, что для идеалиста без суб'екта нет об'екта. В противоположность ему для материалиста об'ект существует вне зависимости от суб'екта. Определяя опыт как результат взаимодействия между суб'ектом и об'ектом, Г. В. утверждал, что об'ект не перестает существовать и тогда, когда суб'екта еще нет и когда уже прекратилось его существование. Те, которые утверждают, что без суб'екта нет об'екта просто-на-просто смешивают одно с другим два совершенно различных понятия: существование об'екта „в себе" и его существование в представлении суб'екта.****)

Мы уже говорили о тех нападках, которым подвергся Плеханов со стороны эмпириокритиков и других махистов, заявлявших, что он предпринял „злосчастную попытку помирить Энгельса с Кантом при помощи компромиссной, чуть-чуть познаваемой вещи в себе".*****) В. И. Ленин, проведя грань между кантовской непознаваемой вещью в себе и познаваемой вещью в себе Плеханова, доказал ценность обвинения Плеханова в кантианстве. Философия Канта, по своему существу,—компромисс между материализмом и идеализмом, ее поэтому критикуют и материалисты и идеалисты—понятно с полярно - противоположных точек зрения. В лице Плеханова эмпириокритики столкнулись с представителем материалистов, „отвергающих в системе Канта самомалейшие элементы агностицизма и идеализма, доказывающих, что вещь в себе об'ективно реальна, вполне познаваема, посюсторонна, ничем принципиально не отличается от явления"...******) „Караул", закричали они—это незаконное смешение материализма с кантианством. Ленин выясняет всю ту разницу, которая имеется между критикой Канта Плехановым и той

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху". Стр. 109.

**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. СПБ. 1908. Стр. 10.

***) О том же очень ясно высказалась в свое время Л. И. Аксельрод [Ортодокс]. „Раз материя первоначальный факт", говорила она, „то естественно ее нельзя определить другой причиной, лежащей вне ее самой". См. ее статью „Двойственная истина в современной немецкой философии". [Философские очерки. С. П. Б. 1906].

****) От обороны к нападению. Ответ г. А. Богданову. Письмо второе. Стр. 39.

*****) Очерки по философии марксизма. 1908. Стр. 67.

******) Ленин. Материализм и эмпириокритизм. Изд. II М. 1920. Стр. 199.

же критикой со стороны эмпириомонистов. „Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы—слева".*)

В своем споре с кантианцами Плеханов доказывал, что кантовская вещь в себе обладает признаками материальности, но в то же время недоступна нашему чувству. Плеханов вскрыл таившееся в такой постановке вопроса роковое противоречие: признавая материальность вещей в себе, мы считаем, что они являются источником наших ощущений; в то же время, признавая их недоступными нашим чувствам, мы должны притти к заключению об их нематериальности... Кантовской *непознаваемой* вещи в себе Плеханов противоставил вещь в себе—*познаваемую*:

— Никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит нет и быть не может. Поэтому, если я признаю, что материя нам известна только через посредство ощущений, ею в нас вызываемых, то это вовсе не значит, что я об'являю материю чем-то „неизвестным" и непознаваемым. Напротив, это значит, что она, во-первых, познаваема, а во вторых, познана человечеством в той самой мере, в какой ему удалось ознакомиться с ее свойствами, благодаря впечатлениям, полученным им от нее в длинном процессе своего зоологического и исторического существования.**)

Мнение Канта о непознаваемости вещей в себе Плеханов разбивал логикой самого кантова учения.

Исходя из определения Кантом явления как состояния нашего сознания, вызываемого действием на нас вещей самих по себе, Г. В. указывал, что предусмотреть данное явление, значит предусмотреть то действие, которое окажет на наше сознание вещь сама по себе. Наука доказывает, что некоторые явления мы можем предусматривать—это значит, что мы в состоянии предусматривать действия, которые будут произведены на нас вещами самими по себе. „Если же мы предусматриваем *некоторые действия* на нас вещей самих по себе, то это значит, что нам известны некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей самих по себе, то мы не имеем права называть эти вещи *непознаваемыми*".

Плеханов не только никогда не пытался об'единить марксизм с кантианством, но всегда являлся одним из наиболее последовательных противников такого противоестественного об'единения. Подчеркивая дуалистический характер кантианства, разрывающего связь между бытием и мышлением, Г. В. со времени своей полемики с Конрадом Шмидтом неустанно доказывал, что „в борьбе с материализмом главной твердыней являются всевозможные разновидности кантианства", что „незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным".

После вещи в себе другим основным моментом в критике, которой подвергался Плеханов со стороны махистов, было понятие об'ективной истины „в бельтовском смысле".

Изображая процесс изменения общественных отношений и соответственного видоизменения научных теорий, Г. В. говорил: „В результате этих изменений является, наконец, всестороннее рассмотрение действительности, следовательно, и об'ективная истина... ...И это знание

*) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 199

**) От обороны к нападению. Стр. 41 (Ответ г. А. Богданову. Письмо второе).

882/5

есть уже об'ективная истина, и никакой „рок" не сдвинет уже нас с этой открытой, наконец, правильной точки зрения".*) Эмпириомонисты усматривали в словах Плеханова противоречие постоянному развитию науки с ее никогда не останавливающимися завоеваниями. „И это говорится когда же?", спрашивал А. А. Богданов по поводу слов Плеханова. „В эпоху великой и поистине беспримерной революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая место поражающе новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы".**) Этот вопрос был вполне естественным в устах автора „Эмпириомонизма", постулировавшего, что „Марксизм заключает в себе отрицание безусловной об'ективности какой-бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин". Не подлежит сомнению, что в этих словах, равно как и в приведенном выше вопросе Богданова сказалось недопустимое смешение понятий об'ективности какой-либо истины и ее неизменности—вечности. Это чреватое последствиями смешение было рельефно выявлено Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме", где он резко разграничил два вопроса: 1) существует ли об'ективная истина т.-е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от суб'екта? 2) Если да, то могут ли представления, выражающие об'ективную истину, выражать ее сразу, абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Эмпириомонисты категорически отрицают существование об'ективной истины. Истина ими рассматривается как определенная идеологическая форма, как „организующая форма человеческого опыта".***) Отрицая существование „критерия об'ективной истины в бельтовском смысле", эмпириомонисты признают невозможным существование об'ективной истины вообще. Плеханов установил, что отыскивая основу об'ективности в сфере коллективного опыта и определяя физический мир как социально-организованный опыт, эмпириомонисты превращаются в чистокровных идеалистов.

Что касается „статики" и „догматики", которые по мнению эмпириокритиков проявились в „бельтовской" об'ективной истине, то следует признать, что эти грехи ни в малой степени не тяготели над Плехановым. Если Г. В. утверждал, что „никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменяемости видов, ни гениальных открытий Маркса", то он отлично понимал, что эти слова дадут возможность бросать ему обвинения и в „статике" и в „догматике":

—Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? Конечно нет, господа! Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и потверждали открытие Коперника.****)

Эти слова Плеханова находились в полном соответствии с рассуждениями Энгельса касательно абсолютной и относительной истины, представляющими, как известно, абсолютную истину, как сумму истин относительных.

Анализируя теорию об'ективности, данную эмпириомонистами и обнаруживая всю ее несостоятельность, Плеханов с особенным вниманием остановился на отрицании махистами об'ективной реальности пространства и времени. Он установил, что рассматривая пространство и время как формы человеческого созерцания или, говоря языком Богданова как „формы социального согласования опыта различных людей", эмпириомонисты повторяли известную раскрытую Энгельсом ошибку Дюринга, для которого пространство и время существовали лишь потому, что их мыслят живые существа. Подчеркивая, что эмпириомонисты отказываются признать бытие времени, независимого от чьего бы то ни было мышления, Г. В., обращаясь к Богданову, говорил: „Бытие вне времени представляет собою такой же великий абсурд, как и бытие вне пространства. Вы наклеили оба эти абсурда на философию Маха".*) Плеханову пришлось выполнить по отношению к махистам ту же миссию, которую Энгельс выполнил по отношению к Дюрингу, когда об'яснял ему: „Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства". („Анти—Дюринг".)

Следует признать, что эту миссию Плеханов выполнил с исчерпывающей полнотой и последовательностью, выявив все слабые места теории эмпириокритиков и эмпириомонистов в этом отношении.

Одной из твердынь русского эмпириомонизма является, как известно, богдановская теория „подстановки". Считая, что „старая (Марксова С. В.) формулировка исторического монизма, не переставая быть верною в своей основе, уже не вполне нас удовлетворяет"**), Богданов пытался исправить ее своей теорией „подстановки".

Теория „подстановки" исходит из основной предпосылки эмпириомонизма—раздвоения опыта на „психический" и „физический"—зависящий от индивидуума и зависящий от коллектива. Основываясь на этой предпосылке, эмпириомонисты ставят себе задачу построения опыта вне обоих указанных зависимостей. „Подставляя" под чужие „высказывания" свой индивидуальный опыт, эмпириомонисты рисуют мировой процесс, как мир „элементов", образующих безконечную цепь комплексов самых различных ступеней организованности. „Все эти комплексы действуют друг на друга, взаимно разрушая друг друга „в борьбе", взаимно связываясь в процессе образования больших и выше организованных систем, взаимно отражаясь одно в других. „Явления психические"—это отражения самых различных комплексов в таком из них, который обозначается как „человеческий индивидуум"; „явления физические"—в таком, который называется „коллективный суб'ект".***)

Плеханов установил, что „теория подстановки", являющаяся одним из китов эмпириомонизма, представляет собою определенно выраженный махистский идеализм, при котором физическое „подставляется" под психическое. Он указал, что „функциональная зависимость" эмпириомонистов ничем не отличается от „предустановленной гармонии", от которой они так усердно открещивались, что теорией „подстановки" разрывается естественная связь явлений.

Подвергнув беспощадной критике учение эмпириокритиков и эмпириомонистов, обнаружив, что оно является плотью от плоти махистской философии, Плеханов обратил острие своей критики против самого Маха.

Об'явив весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений, Мах полагал, что он тем самым разрешил антиномию суб'.

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 117.
**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 24
***) А. Богданов. Эмпириомонизм. Кн. III Стр. IX.
****) К вопросу о развитии... Стр. 176.

* От обороны к нападению. Стр. 84. Ответ г. А Богданову. Письмо третье.
**) А. Богданов. Развитие жизни в природе и обществе. Стр. 37.
***) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 52.

882/6

екта и об'екта „Я" и „не-Я". Взяв за основу кантовский трансцендентальный идеализм, Мах в то же время боролся с кантовской непознаваемой вещью в себе. Поэтому его учение—шаг вперед по отношению к идеализму Канта, но шаг назад по отношению к материализму Маркса. „Мах, хотя и совершенно бессознательно", говорит Плеханов, „постоянно вынуждается переходить на ***материалистическую точку зрения***. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с ***идеалистической основой*** своей собственной „философии".*)

Исчерпывающе выяснив природу рокового раздвоения Маха—его дуализма, Г. В. приходит к заключению, что „махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века."**) В этих словах был приговор тем „махообразным" марксистам, которые пытаются подвести под здание научного социализма фундамент имманентной философии; приговор тому философскому ревизионизму, который опираясь на „новейший позитивизм", приходит к старейшему идеализму.

Подытоживая значение борьбы Плеханова с махизмом в его всяческих выявлениях и всевозможных вариациях, следует признать, что эта борьба представляет собою факт столь же крупной общественно-научной ценности, как и его полемика с суб'ективной социологической школой и критика бернштейнианстве. В этой борьбе Плеханов неизменно оставался верным продолжателем Марксова дела и носителем философии рабочего класса. Он выявил истинную ценность всех выступлений эмпириокритиков против „бельтовской школы" против „плехановской вещи в себе". Касаясь этих выступлений, А. Деборин в свое время писал: „Как бы согласно особому уговору все критики материализма с некоторых пор тянут одну и ту же песнь с одним и тем же монотонным припевом: одно дело материализм Маркса и Энгельса, другое дело материализм Плеханова-Бельтова. Материализм Маркса и Энгельса эмпиричен и реалистичен; материализм Плеханова—Бельтова метафизичен и идеалистичен."***) То же чрезвычайно характерное обстоятельство отметил и В. И. Ленин. „Махисты, желающие быть марксистами, дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова".****) Г. В. заклеймил это „топтание" не только как неудачную, но и как немужественную философию.

Безупречные логические построения Плеханова заставляли разлетаться во все стороны карточные домики эмпириокритических концепций. Его трезвый и глубокий анализ вскрывал всю реакционность теории, которые под оболочкой позитивизма и новейшего естествознания таили в себе ядро идеализма и фидеизма. Его беспощадная убийственная чисто герценовская ирония вырывала всякую почву из под ног адептов трусливого идеализма.

Обороняясь от своих противников--махообразных марксистов и марксообразных махистов, Плеханов в свою очередь атаковал их; защищаясь от махизма, нападал на него. Свой переход от обороны к нападению Г. В. сопровождал той страстностью, которая составляет одну из самых характерных черт Плеханова, этого спортсмена полемики. Эта страстность дала повод некоторым видным теоретикам марксизма, в том числе и Каутскому, упрекнуть Плеханова в излишней горячности и ненужном обострении спора. Г. В. однако считал „горячность" необходимым условием борьбы с философским ревизионизмом, ибо он был убежден в том, что теоретическая буржуазная реакция, производившая в то время опустошение в рядах передовой интеллигенции России совершалась под знаменем философского идеализма. Борьбу с теми философскими учениями, которые способствуют такому опустошению, Плеханов считал обязательным вести с последовательной суровостью. В этом огромная и ценная заслуга Плеханова. Он первым из марксистов провозгласил, что за ширмой гносеологической схоластики эмпириокритиков таятся классовые тенденции. Здесь следует отметить, что осуществляя свое теоретическое размежевание с махистами в эпоху царившей в России безраздельной реакции, Г. В. поставил прогноз, в правильности которого последовательные марксисты должны были убедиться в переживаемую эпоху Великой революции. Так, напр., В. И. Невский в результате своих практических наблюдений над тем, как вызревается мысль рабочего класса в наше время, заявил, что идеи эмпириокритиков, с которыми столь страстно боролся Плеханов, представляют собою не „философию живого опыта," а „ философию мертвой реакции". К этому положению и сводил всю свою полемику с махистами Г. В. сразу понявший погубные результаты той философской путаницы, которая наступила в результате того, что „в революционные головы попало реакционное содержание".

Особое место в „обороне" Плехановым диалектического материализма от многочисленных попыток „поверить", „дополнить", „исправить" теорию Маркса занимает отношение Г. В. к философии Иосифа Дицгена.

Как известно, учение германского философа-самоучки, самостоятельно пришедшего к открытию основных принципов диалектического материализма, дало повод некоторым из его последователей провозгласить дицгенизм высшей „универсальной натур-монистической" фазой диалектики. Плеханов выступил против такого чрезмерного увлечения философией Дицгена, заявив, что философские воззрения Маркса и Энгельса „не могут быть ***дополнены***, а могут быть, пожалуй, ***популяризованы*** с помощью учения Дицгена".*) Плеханов считал, что у Дицгена нельзя обнаружить ни одного основного положения, которого бы не формулировали—более научно и более ясно—Маркс и Энгельс.

Центральный пункт гносеологии Дицгена—положение о том, что „мировое единство сплошь многообразно и все многообразие составляет одно монистическое целое",**) объявляется Плехановым повторением мысли, составляющей основу всякой диалектики и исчерпывающе формулированной творцами научного социализма. Анализируя характер выступлений Дицгена, направленных против спекулятивной философии, рассматривающей дух вне мира и над миром, Плеханов считает, что Дицген с этой задачей не справился. В том ответе, который Дицген давал на вопрос об отношении субъекта к об'екту. Плеханов усматривал логическое грехопадение. Положение Дицгена о том, что бытие производит мышление, которое, однако, является частью бытия, по мнению Плеханова, „привлекает к И. Дицгену людей, находящихся

---

*) От обороны к нападению. Стр. 55.

**) Ibidem. Стр. 67. Мы считаем долгом указать здесь, что мысль о том, что аргументация „махистов" против материализма заимствована у Берклея, была впервые высказана Л. Н. Аксельрод (Ортодоке)—в ее „Философских очерках" (1906).

***) А. Деборин, Введение в философию диалектического материализма Птг. 1916 Стр. 343.

****) Вл. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм М. 1920 изд. 2-е. Стр. 93.

*) Основные вопросы маркизма СПБ 1917 г. Стр. 5.

**) А. Дицген. Завоевания (Аквизит) философии и письма о логике СПБ 1906 Стр. 47.

882/7

под влиянием современного идеализма и во что бы то ни стало желающих приставить идеалистическую голову к историческому материализму".*)

Считая, что Маркса нельзя ни „ревизовать", ни дополнять при помощи Дицгена, Плеханов советовал знакомиться с теорией Дицгена лишь после тщательного изучения философии Маркса. „Тогда можно легко видеть, в чем он приближается к основателям научного социализма, и в чем он уступает им, значительно отставая от них. В противном же случае, чтение его внесет, правда, в голову читателя кое-какие немаловажные и интересные, но отнюдь не новые частности рядом с большой и вредной путаницей".**)

Оценка, данная Плехановым „дицгенизму", вызвала оживленную дискуссию как в России, так и на западе. Плеханова упрекали в узости, догматизме, нетерпимости. Однако наиболее авторитетные представители марксизма признали безусловную правильность положений, развитых Г. В. по поводу философии Дицгена. Франц Меринг в ответ на выступления Дицгена—сына заявил о несомненной правоте Плеханова.***) В очень категорической форме высказался по этому поводу и Ленин, сказавши, что „дицгенизм" в отличие от диалектического материализма есть *путаница*, есть шаг к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Дицгене, а из того, что есть у него слабого.****)

Центральная теорема диалектического материализма, устанавливающая, что идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное, была для Плеханова не только положением, нуждавшимся в теоретической разработке и защите, но и осью универсального метода исследования общественной жизни. Этим методом Г. В. с с исключительной силой пользовался и как литературный критик, и как историк общественной мысли.

Главную задачу свою как литературного критика Плеханов видел в том, чтобы, перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления".*****) Оценивая какое-либо произведение искусства, Плеханов прежде всего выяснял, какая сторона классового сознания выражается в нем, устанавливал, где то общественное „бытие", которое определило собою данное „сознание" идеологию разбираемого произведения.

В своих критических статьях Плеханов неоднократно задавался вопросом о том, существует ли и в чем выражается причинная связь между техникой и экономикой общества, с одной стороны—и его искусством,—с другой. Восставая против расплывчатости и туманности известной формулы, определяющей искусство, как отражение жизни, Плеханов указывает, что понять процесс отражения искусством жизни можно лишь изучив механизм этой последней. Основная пружина жизни цивилизованных народов—классовая борьба. Следовательно, классовая борьба отправная точка при изучении искусства какого либо народа. Ключ к об'яснению прекрасного Плеханов отыскивает не в биологии, а в социологии. Эстетические понятия и вкусы определяются общественными условиями существования. „Держась обоими руками за то неоспоримое положение, что общественное сознание определяется

*) От обороны к нападению. Стр. 177 Иосиф Дицген.
**) Ibidem Стр. 181.
***) Neue Zeit 1908 № 38.
****) Вл. Ленин. Материализм и империокритизм М. 1920. Стр. 250.
*****) За двадцать лет. Предисловие к третьему изданию СПБ. 1908. Стр. X,

общественным бытием", Плеханов во всех своих литературно-критических выступлениях апеллирует в классовой борьбе, как основной пружине общественной жизни. Критерии классовой борьбы является в руках Плеханова ключем к уразумению процесса образования любого литературного произведения. Достаточно обратиться к циклу его статей о беллетристах—народниках, чтобы воочию убедиться в том, каким мощным оружием критики был для Плеханова этот критерии. Пользуясь им, Плеханов—первый и единственный из критиков—доказал, как народническая точка зрения привела Глеба Успенского и других беллетристов семидесятых годов к неразрешимому для них конфликту художественности творчества с интересом к проблемам общественности. Плеханов выяснил, что лишь последовательная точка зрения классовой борьбы могла вывести беллетристов народников из тупика, в котором они очутились; лишь она могла разрешить роковое для них противоречие художественности и общественности. „Наш образованный разночинец", не переставал утверждать Плеханов, „должен примкнуть к начинающемуся историческому движению, стать на точку зрения интересов пролетариата. Этим он сразу разрешит все противоречия своего двухсмысленного промежуточного положения". *) Тем же отсутствием критерия классовой борьбы для Плеханова об'ясняются слабые моменты в творчестве такого художника, например, как Генрих Ибсен. Великий норвежский драматург не мог найти выхода из абстрактной, и потому бессодержательной морали, в область общественных отношений. Он не смог отрешиться от точки зрения избранных индивидуумов и их „автономной воли", став на точку зрения общества, точку зрения политики. Его многочисленные герои самоусовершенствуются, очищают волю ради очищения воли, подымают бунт духа ради бунта духа. Это привело Ибсена к символизму, рассудочности, тенденциозности.

Ибсеновское скитание в „пустыне абстракции", его блуждание в лабиринте неразрешимых вопросов было следствием того, что великий писатель не сумел найти в окружавшей его пошлой действительности средства для перестройки этой самой действительности, не сумел обнаружить в ней точки опоры для приложения „очищенной воли". Этим средством является—классовая борьба, этой точкой опоры—пролетариат—наиболее нравственная и революционная часть современного общества.

Это положение было Плехановым блестяще доказано в его небольшом, но богатом по содержанию, этюде „Генрик Ибсен", являющемся классическим образцом того, как следует подходить к исследованию литературного творчества с точки зрения диалектического материализма.

Плеханов никогда не соглашался с рассуждениями Канта, доказывавшего, что эстетическое наслаждение свободно от всякого интереса. Признавая правильность указания Канта в его применении к отдельным индивидуумам Г. В. утверждал, что эстетические вкусы общественного человека в конечном счете об'ясняются причинами утилитарного характера.

В то же время, предупреждая неправильные выводы из указанного положения, Плеханов неоднократно выступал против того упрощенного взгляда, согласно которому, искусство следует рассматривать, как нечто, совершающееся под исключительным и непосредственным влиянием экономического фактора. Непосредственное влияние производительной деятельности человека на его миросозерцание, эстетические вкусы и создаваемое им искусство проявляется лишь в лишенном клас-

*) За двадцать лет Изд. 3-е С. П. Б. 1908 Гл. II. Успенского. Стр. 74.

882/8

сового характера первобытном обществе. Но в обществе цивилизованном, разделенном на классы, непосредственное влияние хозяйственной деятельности на образование искусства, становится менее заметным. Историю идеологии в обществе, разделенном на классы, можно уяснить лишь исходя из влияния классовой борьбы на психологию составных частей общества. В искусстве выражается общественная психология, характер же последней определяется теми отношениями, в которых находятся группы, образующие данное общество. Эти отношения в свою очередь складываются под влиянием развития производительных сил. Таким образом экономия влияет на искусство не непосредственно, а через различные факторы—политику, философию, религию и т. д., обусловленные ею самой.

Считая, как мы уже говорили выше, основной задачей литературной критики отыскание социалистического эквивалента художественного произведения, Плеханов очень сурово осуждал тех критиков, которые „перегибая палку в другую сторону, ограничивают свою роль тем, чтобы переводить идею произведения с языка искусства на язык философии. Определение социологического эквивалента литературного произведения являлось для Плеханова первым актом материалистической критики; ее второй акт—анализ его художественных достоинств. Этот второй акт не только возможен, но и необходим. „Социология должна", заявлял Г. В., „не затворять двери перед эстетикой, а напротив, настежь раскрывать их перед нею". *)

Относительно Плеханова—литературного критика можно смело сказать, что он действительно никогда „не закрывал двери перед эстетикой". Достаточно прочесть его статьи об Ибсене, Горьком, Гамсуне, чтобы сказать, что он всегда „раскрывал их настежь перед нею".

Плеханов был одним из первых представителей той материалистической критики, которая по его собственному выражению, с одной стороны понимала железные законы движения „экономической струны", а с другой показывала, как на этой струне вырастает „живая одежда" идеологии.

Пользуясь историческим материализмом, как универсальным методом исследования общественных явлений, Плеханов не только оставил ряд огромной ценности литературно-критических статей, но и обогатил русскую историческую науку своими исследованиями по развитию русской общественной мысли, насквозь пропитанными диалектическим материализмом.

Никогда не порывая той причинной связи, которая существует между „ходом вещей" и „ходом идей", Плеханов исчерпывающе обосновал материалистическое понимание русского исторического процесса. Г. В. заявил, что „историк русской общественной мысли, отвергая, как совершенно устаревшее учение о полном своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае не может закрыть глаз на его относительное своеобразие".**) Не сомневаясь в том, что основным двигателем общественного процесса в России, как и во всякой другой стране, была классовая борьба, Плеханов обнаруживает коренную ошибку историков, сравнивающих эту борьбу исключительно с той, которая происходила на Западе, оставляя в стороне общественные отношения Востока. Лишь в сравнении России—страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства, с восточными деспотиями—

*) За двадцать лет—Предисловие к третьему изданию. С. П. Б. 1908 Стр. XVII.

**) История русской общественной мысли. т. I стр. 11

ключ к пониманию русского исторического процесса, следовательно всех извилин русской общественной мысли. Пользуясь этим ключом, Плеханов вносил очень существенные коррективы в то понимание русского исторического процесса, которого придерживались многие видные авторитеты нашей исторической науки.

В противовес тем многочисленным субъективным историкам, которые витая в облаках абстрактного идеала, всюду и везде отыскивают вечные этические категории, Плеханов, опираясь на железный рычаг классовой борьбы, никогда не оставлял твердой социологической почвы.

Об этом свидетельствуют его исследования о Чернышевском, Белинском, Герцене, Чаадаеве и прежде всего оборвавшаяся, до сих пор еще недостаточно оцененная „История русской общественной мысли". *)

Энгельс установил в „Анти-Дюринге", что „материализм, по существу, диалектичен и более не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". Доведя материалистическую диалектику до высшего совершенства, Плеханов всем своим творчеством доказывал этот энгельсовский тезис. „Философия Маркса и Энгельса", говорит Г. В., не только материалистическая философия. Она есть диалектический материализм". **) Никогда не оставляя отточенного оружия диалектики, Плеханов рассматривал всякую форму в процессе движения. Он подходил к каждому историческому явлению, как к преходящему и старался не только вскрыть причины, его породившие, но также отыскать те семена развития, которые оно в себе таит:

— Все течет, все изменяется, каждая вещь носит в себе зародыш своего исчезновения. Такой ход вещей, отражаясь в человеческих головах, обусловливает собою то, что каждое понятие заключает в себе зародыш своего отрицания. Это—естественная диалектика понятий, основанная на естественной диалектике вещей. Она не сбивает людей, владеющих ею, а напротив, придает их мысли гибкость и последовательность. ***)

Плеханов владел материалистической диалектикой, как никто. Поэтому она не сбивала его, а служила ему компасом, которым он пользовался при исследовании самых сложных и запутанных явлений общественной жизни. Следуя известной энгельсовской формуле, Плеханов всегда рассматривал вещи и их отражения в понятиях „в их взаимной связи, сцеплении, в движении, возникновении и уничтожении". Ни одного из принципов не возводил он на степень безусловной истины. Лейт-мотивом всего его творчества было: „отвлеченной истины нет; истина конкретна, в ней все зависит от обстоятельств времени и места. Плеханов никогда не мыслил по формуле: „Да-да, нет-нет, что сверх того—от лукавого". Он жестоко смеялся над так мыслящей „доктринерской породой марксистских попугайчиков", „марксят", как говорил Г. В.

Материализм и диалектика являлись для Плеханова понятиями, взаимно дополняющими друг друга. Без одного из них он не мыслил другого. „В основе нашей диалектики", говорил Г. В., „лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она пала-бы, если-бы суждено было пасть материализму. И наоборот. Без диалектики неполна, односторонна,—скажем больше: невозможна материалистическая теория познания". ****)

*) Подробно этого вопроса мы касаемся в главе о Плеханове—историке общественной мысли.

**) Предисловие к „Людвигу Фейербаху" Энгельса стр. 13.

***) Генрих Ибсен С. П. Б. 1906 стр. 42.

****) Примечания к Людвигу Фейербаху Энгельса. Стр. 21.

882/9

Диалектика—живой дух марксизма; революционность—душа диалектики. Революционная по существу, устанавливающая неминуемость уничтожения существующего уклада, она неприемлема в своем рациональном виде для идеологов буржуазии. Вот почему последние предпочитают иметь с ней дело „в мистифицированном виде", как говорил Маркс. „В мистифицированном виде" диалектика превращается в оправдание действительности, становится философским освящением последней. „Мистификация" диалектики сводится к притуплению ее революционного острия, приписываемому ей отрицанию скачков в природе и общественном процессе, провозглашению непрерывности последнего. В своем „мистифицированном виде" диалектика превращается в теорию постепенного эволюционного принципа.

Здесь—об'яснение тому, что большинство бывших марксистов, ушедших от рабочего класса к мелкой буржуазии, свой „критический пересмотр" философских предпосылок марксизма начало с „мистифицирования" диалектической формулы. „Нам может быть понятно только непрерывное изменение", писал в свое время П. Б. Струве, „поэтому старое положение: **natura non facit saltus** (природа не делает скачков) должно быть дополнено другим: **intellectus non patitur saltus** (интеллект не терпит скачков)". *)

Струве, Бернштейн, Бердяев, Булгаков утверждали, что природа, интеллект, история не „терпят скачков". Из этой философской предпосылки следовал естественный вывод о невозможности скачка из „царства животных в область человеческой свободы", о невозможности четко провести демаркационную линию между сменой одной социальной формации другой, об утопичности предсказании **Zusammenbruch'a**. Грозная перспектива социальной революции в результате „ревизии" сменялась миролюбивыми чаяниями социальной реформы.

Плеханов, доказав шаткость аргументов от философии Струве—Бернштейна, первый из марксистов, определил те классовые стимулы, которые привели их к реакционной мистификации революционной диалектики.

Положению ревизионистов о том, что скачков не бывает, а есть только непрерывность, Плеханов противопоставил утверждение о том, что в „действительности изменение всегда совершается скачками, но только ряд мелких и быстро следующих один за другим скачков сливается для нас в один „непрерывный процесс". **). Изучая природу и общество, надлежит всегда помнить, что скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам. Лишь на основе этого синтеза можно воздвигнуть правильную теорию познания.

Что касается той практической тенденции, которую таят в себе теоретические выступления в области толкования диалектического принципа, то Плеханов трактовал ее как тягу к передовым слоям мелкой буржуазии и попытку „приспособить" марксово учение к ее идеологическим запросам.

Диалектический материализм был для Плеханова цельным и единым философским миросозерцанием. Он неоднократно указывал, что исторический материализм это только часть материалистического понимания мира, что материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы. В отличие от многих других марксистов, Плеханов был убежденным противником того взгляда, который

*) Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV. Hett 5/6 S. 679. Цитирую по Плеханову.

**) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков. Стр. 104.

защищал, напр., Штерн, утверждавший, что „не только с нравственным, но и с философским материализмом исторический материализм не имеет ничего общего". *) Г. В. доказывал, что между материалистической философией и материалистическим пониманием истории имеется взаимная и неразрывная связь, что Маркс и Энгельс—материалисты не только в области исследования общественного процесса, но и в области понимания отношения между материей и духом.

Н. К. Михайловский в шутку назвал Плеханова „поэтом марксистской диалектики". Мы можем повторить теперь слова Михайловского, отнюдь, не иронически. Г. В. был настоящим поэтом марксистской диалектики, которой он владел как немногие из учеников Маркса. Неуязвимая в логических построениях, убийственная в беспощадной иронии, овеянная пафосом революционной страсти, диалектика Плеханова была исключительной по своей силе и красоте.

Работа, проделанная Плехановым в области разработки диалектического материализма, воистину, огромна. Собирая воедино наследство Маркса—Энгельса, Г. В. разрабатывал, систематизировал, грудью защищал его от всякой попытки засорения, искажения и нес в массу марксов светильник материалистической диалектики.

В истории русской общественной мысли есть эпоха, когда наша разночинная интеллигенция массами становилась под знамя диалектического материализма. То были годы, когда Россия вступила в фазу капитализма, что не позволило более русской интеллигенции исповедывать исторический идеализм и толковать об исключительной самобытности русского исторического процесса. „Тогда", говорит Плеханов, „явился сильнейший спрос на исторический материализм, потому что только с его помощью можно было сделать удовлетворительный анализ как западно-европейского, так и русского общественного бытия" *) Вполне естественно, однако, что массовое увлечение историческим материализмом могло продолжаться лишь до тех пор, пока довлели реальные предпосылки этого увлечения. Вскоре начался „отход" от материализма и „возвращение" к идеализму со стороны интеллигентов, являвшихся идеологами европеизированной русской буржуазии, не смогшими примириться с теми выводами, к которым приводило приложение материалистического метода к русской общественной жизни. О всех почти теоретиках, выступивших в начале девяностых годов глашатаями диалектического материализма, через какой-нибудь десяток лет можно было сказать, что „иных уж нет, а те далече". И лишь один Плеханов, в отличие от своих минутных сторонников, бывший идеологом пролетариата, до конца дней оставался безупречно последовательным материалистом. Недаром один из наиболее убежденных идеалистических противников Плеханова Н. И. Кареев, вспоминая свою полемику с материалистами, сказал в 1913 году: „Из тогдашних теоретиков экономического материализма, один только г. Плеханов остался твердо стоять на занятой им позиции". **) Будучи идейным преемником Маркса—Энгельса и наследником их философской системы, Плеханов беззаветно отстаивал дух марксовой философии, но никогда не был в плену ее догмы. В. Г. мог не сомневаться когда однажды сказал: „Я предоставляю сведущим в философии людям решить, как отношусь я к Марксу и Энгельсу: „как

*) П. Штерн. Исторический материализм. Перевод в изд. „Голоса" СПБ. 1905. Стр. 19.

*) История русской общественной мысли т. I стр. 129.

**) Н. И. Кареев, Собрание сочинений. 1913. т. III. стр. VI.

882/10

раб, следующий за своими господами, но неспособный усвоить всю полноту их мысли, или же, как ученик, сознательно отстаивающий те принципы, к которым пришли его великие учителя". *).

Мы видили выше, что Плеханов никогда не обращал исторического материализма в шаблон. Он всегда относился чрезвычайно критически ко всем тем марксистам, которые злоупотребляли историко-материалистическим методом, как например, автору „Греческой теории становления" Элевфоропулосу или немецкому марксисту Фейгарду, недопустимо упростившим и сематизировавшим материалистическое понимание истории.**)

В ту пору, когда Плеханов начал свои выступления в защиту диалектического материализма, его противники упрекали Г. В. в том, что защищаемая им философская система не создала такой книги, которая давала бы этой системе оправдание. Плеханов в ответ указывал, что такая „книга" может быть создана только путем „длинного ряда частных исследований, обрабатывающих соответствующие области науки с помощью марксова метода".***).

Если так, то следует признать, что никто не сделал для создания книги столько, сколько сам Плеханов. В его философских памфлетах, литературно-критических и исторических трудах мы имеем настоящую „книгу" диалектического материализма. В каждой странице этой книги чувствуется, что она написана человеком для которого диалектический материализм был сильнейшим из духовных оружий рабочего класса в борьбе за его раскрепощение. Поэтому Плеханов так ревниво оберегал философию пролетариата от всякого искажения ее теориями, „бившими марксизм по лицу": на духовном оружии самого революционного из всех классов современного общества нельзя оставить ни единого пятна эклетической ржавчины—она притупит это оружие. О Плеханове можно смело сказать словами Энгельса, что он „не шутил с марксизмом".

В „Критике гегелевой философии права" Маркс утверждал, что подобно тому как пролетариат обретает в философии духовное оружие, точно также философия обретает в пролетариате свое физическое оружие. Если так, то заслуга Плеханова в области диалектического материализма велика вдвойне. Он не только дал в руки рабочему классу России это мощное оружие, но он предварительно этот рабочий класс „открыл".****).

История русской общественной мысли в одинаковой степени оценит величие этих обоих заслуг пред целом российского освобождения.

С. Вольфсон.

---

*) От обороны к нападению. Стр. 633. Идеология мещанина нашего времени.

**) У нас в России, такой склонностью к упрощению Марксизма особенно страдал, как известно, покойный Шулятиков.

***) Основные вопросы марксизма. Изд. 1917 стр. 105.

****) Об этом подробно в главе о роли Плеханова в русском рабочем движении.

Право и нравственность

с точки зрения материалистического понимания истории.

I.

Вопрос об отношении между правом и нравственностью есть часть вопроса о существе того и другого, как двух основных областей этики. Различно об'ясняют и определяют право многообразные теории. Обилие точек зрения и богатство оттенков поражающи и утомительны, но количество здесь, к сожалению, все еще никак не может перейти в качество. Сообразно с этим, и попытки разграничить области права и нравственности, очертить их об'ем, определить их взаимоотношение и сферу действия, достигают весьма солидного числа. Наука права и в этом отношении богата тем обманчивым богатством которое никак не удается реализовать, чтобы получить об'ективную ценность. В конце концов, мефистофелевский приговор: „все, что существует, заслуживает уничтожения", применим, нам кажется, в полной мере и без всякого снисхождения к бесчисленным теориям права: что они дают теоретикам, кроме отчаяния, более или менее живописно выражаемого? Ибо чему же, как не отчаянию, можно приписать, с одной стороны отождествление права с фактом, такой широкой полосой идущее в науке права, как результат знаменитого „естественно-научного" наблюдения, с другой стороны—энергичный отказ от идеи и понятия права да, кстати, и от самого слова „права"? [1]) Отсюда, конечно, очень не далеко и до отрицания фактов, вообще. И если факты возопиют против этого, можно будет сказать, что тем хуже для фактов...

Вряд ли, однако, возможно отрицать факт крайне плачевного состояния науки о праве и нравственности. Бесконечными жалобами на совершенно неудовлетворительное положение дела полна соответствующая литература. Ученая юриспруденция и практика „не знают

---

[1]) Бергбом и Еллинек во многом исходят из совершенно различных точек зрения однако, далеко ли ушел Еллинек со своей концепцией „факта, порождающего право". со своей „нормативностью фактического" (Право современного государства, Т. I, Общ; уч. о гос. СПБ. 1903, стр. 231 слл.) от Бергома с его утверждением, что „право есть только то, что функционирует. как таковое"? (Juvisprudenz und Rechtsphilosophie, I, 1892, s. 80). Мы знаем, отражением чего служит в данном случае трогательное доверие немецкого ученого к факту: могущество государства, этого бронированного факта, гипнотизирует и завораживает его, научное же понятие права до такой степени незакончено и туманно, что может быть отождествлено с чем угодно—и с „волей" и с „силой". „интересом", а лучше всего—с фактом, если он от государства исходит (Иеринг) или государством гарантирован (Еллинек)—Иначе настроен Дюги. Ему его государство импонирует мало: в прошлом—Седан, в будущем, быть может, Ватерлоо. Он весьма склонен, поэтому, к самым радикальным „преобразованиям государства" при молчаливом условии, конечно, чтобы и сильный сосед от них не отказался. Но предварительно нужно уничтожить право, а это легко сделать по той же причине, по которой легко отождествить его с чем угодно. И вот, понятие суб'ективного права совершенно рушится", как чистейшая метафизика, заменяясь „социальной функцией". (Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона, М. 1919 г., стр. 15), а об'ективное право превращается в „социальную норму" (Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства. СПБ. 1909, стр. 23). Таким образом, угрозу свою Дюги осуществляет с точностью самое слово „право" исчезло. О, великие чародеи! Любовь к словам и боязнь слов одинаково верно характеризуют некоторых ученых исследователей. Но сидя за письменным столом, уничтожать право, о котором *уже* никто ничего не знает, с помощью социальной функции и нормы, о которых *еще* никто ничего не знает,—не значит ли это: тенью щетки чистить тень кареты?

882/11